ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 62 (3091) Вторник, 26 мая 1953 г. Цена 40 коп.

СЕГОДНЯ В НОМЕРЕ:

К СОВРЕМЕННОМУ МЕЖДУНАРОДНОМУ ПОЛОЖЕНИЮ

В последние месяцы во всех странах проявляется большой интерес к тем шагам, которые предпринимаются в целях урегулирования спорных международных вопросов. Это естественно в нынешних условиях.

Никто не может отрицать, что в широких международных кругах растут стремления к разрядке напряжения в международных отношениях. Любой шаг вперед по пути разрешения спорных вопросов ослабил бы военную угрозу, содействовал бы прекращению разорительной для народов гонки вооружений, облегчил бы положение многих миллионов людей. И, наоборот, сохранение напряженности в международной обстановке означает дальнейшее усиление военных приготовлений, дальнейший рост военных расходов, дальнейший рост налогов, тяжесть которых ложится прежде всего на плечи народных масс.

В этих условиях каждый новый шаг правительства любой страны на международной арене становится объектом внимательного изучения не только в правительственных сферах, но и в самых широких кругах.

Общеизвестно, с каким вниманием и симпатией были встречены недавние заявления руководителей Советского Правительства о готовности СССР разрешать спорные или нерешенные международные вопросы на основе взаимной договоренности заинтересованных стран. Эти заявления укрепили веру народов в возможность урегулирования назревших международных проблем, ибо они знают, что заявления Советского Правительства никогда не расходятся с его действительными намерениями.

Известно также, что люди, заинтересованные в сохранении мира, восприняли как миролюбивый жест слова президента Эйзенхауэра, сказанные им в выступлении от 16 апреля, о том, что ни один спорный вопрос, «будь он велик или мал, не является неразрешимым при наличии желания уважать права всех других стран» и что «Соединенные Штаты готовы взять на себя справедливую долю» при решении спорных международных вопросов, хотя в том же выступлении Эйзенхауэра содержались и другие моменты, сводящие на нет положительное значение этих слов. Теперь приходится констатировать, что в новом выступлении Эйзенхауэра от 20 мая и следа не осталось от этого миролюбивого жеста, не говоря уже о подкреплении его делами.

Вполне понятно, что недавнее выступление премьер-министра Великобритании Черчилля в палате общин, в котором был затронут ряд животрепещущих вопросов международной жизни, а также и прения по этому выступлению привлекли к себе внимание не только в Англии, но и далеко за ее пределами.

Британский премьер-министр во многом поддержал позицию правительства США. Однако в его выступлении нашло отражение и различие между позицией Великобритании и позицией Соединенных Штатов по некоторым первостепенным вопросам.

Черчилль посвятил значительную часть своего выступления вопросу о взаимоотношениях с Советским Союзом. Не все сказанное им на этот счет может быть принято общественным мнением в СССР без критики и серьезных возражений. Но сейчас важно указать прежде всего не на то, в чем мы расходимся с премьер-министром Великобритании. Важнее подчеркнуть те моменты, которые могут содействовать урегулированию спорных международных вопросов в интересах мира и безопасности народов.

В речи Черчилля имеются положения, отражающие стремления английского народа к миру и свидетельствующие о реалистическом подходе премьер-министра Великобритании к оценке некоторых существенных моментов нынешней международной обстановки. Эти положения встречены с одобрением широкими общественными кругами, заинтересованными в сохранении мира. Вместе с тем, эти положения,— особенно в Соединенных Штатах Америки,— подвергаются нападкам со стороны тех кругов, которые проявляют особую заинтересованность в поддержании нынешней напряженности в международных отношениях.

Обращает на себя внимание следующее заявление Черчилля: «Я не верю, что серьезнейшая проблема совмещения безопасности России со свободой и безопасностью Западной Европы неразрешима». Это заявление не могло не найти сочувственного отклика у людей, которые действительно стремятся к урегулированию назревших международных проблем, которые ненавидят войну, приносящую народам, в особенности в современных условиях, неисчислимые бедствия.

В нашей стране указанное заявление Черчилля привлекло к себе внимание, как своевременный шаг в нынешней международной обстановке.

Заявляя о возможности «совмещения безопасности» Советского Союза и стран Западной Европы, премьер-министр руководствовался, конечно, интересами своей страны. Вместе с тем, не подлежит сомнению, что политика, направленная на сочетание национальных интересов Англии с интересами поддержания мира и укрепления международного сотрудничества, встретит понимание и поддержку Советского Союза и других миролюбивых народов.

Выдвинутое Черчиллем положение о совмещении безопасности СССР с безопасностью Западной Европы имеет тем большее значение, что, ставя этот вопрос, британский премьер-министр касается тем самым не только взаимоотношений между Великобританией и Советским Союзом, но и всей проблемы поддержания и укрепления мира.

Современное международное положение характеризуется большой сложностью подлежащих урегулированию проблем, и это обязывает отнестись с должным пониманием к тем, кто считает, что попытка обсудить и разрешить в один прием все спорные и нерешенные проблемы была бы обречена на неудачу. Продвижение вперед в деле урегулирования таких наболевших вопросов, какими являются вопрос о войне в Корее или вопрос о Германии, могло бы содействовать разрядке напряженности нынешней международной обстановки, подготовить почву для разрешения и других проблем. Должно быть, такой подход к урегулированию международных проблем и имел в виду Черчилль, когда он заявил: «Было бы ошибкой считать, что ничего не может быть урегулировано с Советской Россией, если или до тех пор, пока не будет урегулировано все. Урегулирование двух или трех затруднительных моментов было бы большим достижением для всякой миролюбивой страны».

Одним из важнейших международных вопросов, в мирном урегулировании которого заинтересованы народы всех стран, является корейский вопрос.

Общеизвестно, что дипломатическая инициатива Китайской Народной Республики и Корейской Народно-Демократической Республики, поддержанная Советским Союзом, открыла реальные возможности для заключения перемирия и прекращения войны в Корее.

На основе достигнутого соглашения в Корее уже осуществлен обмен больными и ранеными военнопленными. 26 апреля в Паньмыньчжоне возобновились переговоры относительно репатриации военнопленных в целом. Предложения, внесенные китайско-корейской стороной, и, в частности, ее последнее предложение от 7 мая, дают,— как это совершенно очевидно для всех беспристрастных людей,— необходимую основу для практического разрешения этого последнего вопроса, стоящего на пути к заключению перемирия и, следовательно, к прекращению войны в Корее.

Черчилль высказался за терпеливое и сочувственное рассмотрение предложения корейско-китайской стороны. Он заявил: «Сейчас нет никаких известных мне причин считать, что оно не может послужить основой для соглашения».

Это заявление Черчилля, а также выступления ряда депутатов палаты общин, резко критиковавших представителей «командования ООН», тормозящих переговоры в Паньмыньчжоне, отразили растущее во всех слоях английского общества недовольство затягиванием урегулирования корейского вопроса. Продолжающиеся зверские бомбардировки Пхеньяна и других корейских городов и сел, а также таких китайских городов, как Аньдун и некоторые другие, равно как и направленная на срыв переговоров в Паньмыньчжоне позиция американского генерала Гаррисона, вызывают законное возмущение и протесты и в Англии, и в других странах.

На днях в своем выступлении в Народной палате Индии премьер-министр Неру показал, что позиция Гаррисона явно противоречит и той резолюции по вопросу о военнопленных в Корее, которая была принята в ООН в конце прошлого года. Неру прямо заявил, что предложения корейско-китайской стороны «должны послужить основой для переговоров, и мы надеемся — для разрешения проблемы». Тем не менее, ввиду позиции Гаррисона переговоры в Паньмыньчжоне снова затормозились.

При таком положении вполне понятно определенное недовольство ходом переговоров в Паньмыньчжоне, выраженное в палате общин известным лидером лейбористов Эттли.

В выступлении Черчилля особое место заняла германская проблема. Он справедливо назвал ее «доминирующей проблемой Европы». Но если это так, то из этого следует, что соображения Черчилля по германской проблеме приобретают в его выступлении особое значение. Однако соображения, высказанные Черчиллем по этому вопросу, никак не могут быть восприняты как выражение действительного стремления к урегулированию указанной «доминирующей» международной проблемы.

Прежде всего обращает на себя внимание тот факт, что Черчилль даже не счел нужным упомянуть о Ялтинской декларации и о Потсдамских решениях, в выработке которых принимал участие он сам и в которых сформулированы важнейшие принципы действительного урегулирования германского вопроса на основах воссоздания единой Германии, как миролюбивого, демократического государства.

Историческое значение указанных выше международных документов состоит в том, что в них выражена достигнутая во время войны и подтвержденная непосредственно по окончании войны согласованность политики и конкретная договоренность между западными державами и СССР по германскому вопросу. В этом смысле указанные соглашения о содействии воссоединению Германии, как миролюбивого и демократического государства, являются наиболее важным достижением в деле «совмещения безопасности России со свободой и безопасностью Западной Европы».

Нас и теперь не может не интересовать, насколько после выступления премьер-министра предпринимаемые Великобританией шаги в области международных отношений будут соответствовать основным принципам тех соглашений, под которыми стоят подписи великих держав, и насколько новые соглашения между ними могут способствовать укреплению мира и безопасности народов.

Опыт последних лет, однако, свидетельствует о том, что урегулированию спорных и нерешенных вопросов препятствует политика одностороннего отказа западных держав от заключенных соглашений. Можно не сомневаться в том, что вся современная международная обстановка выглядела бы совсем по-иному, что она была бы лишена нынешней остроты и напряженности, если бы соглашения великих держав по важнейшим международным вопросам были претворены в жизнь.

В этой связи нельзя не остановиться на том, что Черчилль почему-то счел целесообразным вспомнить о пресловутом Локарнском договоре 1925 года, который, по его словам, был основан на том «простом положении», что если Германия нападет на Францию, то Англия будет стоять на стороне французов, а если Франция нападет на Германию, то Англия будет стоять на стороне немцев. Черчилль не сказал при этом, что локарнская система в свое время развязала руки агрессивному германскому милитаризму. Ограничивая свободу действий Германии на западе, она предоставляла ей свободу действий на востоке, направляя германскую агрессию в сторону СССР. Как известно, локарнская политика была одним из немаловажных факторов, подготовивших вторую мировую войну. Исторический опыт показывает, что пока в Германии предоставляется свобода действий милитаристским, реваншистским элементам, пока не проведены эффективные мероприятия, обеспечивающие развитие Германии на миролюбивых началах, германский милитаризм возрождается довольно быстро, и никакие формальные гарантии и обязательства не могут дать уверенности соседям германского государства в их безопасности, — в том, что им не будет вновь угрожать германская агрессия.

Следует отметить, что даже с точки зрения интересов безопасности самой Великобритании план насчет Локарно выглядит несостоятельным, не говоря уже об интересах обеспечения безопасности других стран Европы и, прежде всего, соседей Германии—Франции, Бельгии, Голландии, Польши, Чехословакии и др., поскольку попытки вернуться к плану Локарно открыли бы широкий простор для изменчивых и преходящих международных комбинаций и группировок одних стран против других, что неизбежно привело бы не к смягчению, а к обострению международных отношений.

Да и как можно осуществить идею Локарно в отношении современной Германии? Ведь говоря об идее Локарно, Черчилль ни единым словом не упомянул о восстановлении единства Германии, что имеет решающее значение не только для самой Германии, но и для дела обеспечения безопасности в Европе и во всем мире.

Намекая на проводимые теперь сепаратные действия по заключению боннского и парижского договоров, он ориентирует политику английского правительства на закрепление расчленения Германии. Более того, из выступления Черчилля вытекает, что он считает раскол Германии не только совершившимся фактом, но и таким явлением, с которым можно и следует мириться.

«Политика правительства ее величества,— заявил Черчилль,— состоит в том, чтобы самым добросовестным образом придерживаться духа и буквы наших соглашений с Западной Германией». «Мы, — подчеркивал премьер-министр, — никоим образом не намерены отказаться от выполнения обязательств, которые мы взяли на себя по отношению к Западной Германии». Не следует ли из этих заявлений, что дух и буква соглашений, заключенных между великими державами с целью создания единой, миролюбивой демократической Германии, приносятся в жертву духу и букве других соглашений, заключенных сепаратным образом и санкционирующих раскол Германии, ремилитаризацию Западной Германии, превращение этой части Германии в очаг милитаризма и агрессивного реваншизма.

Мы оставляем в стороне совершенно неправильное утверждение Черчилля, будто советская политика является причиной обострения германской проблемы. Истинная причина создавшегося в Германии положения неоднократно была разъяснена авторитетными представителями Советского Союза, и нет смысла повторять их здесь. Мы оставляем в стороне и довольно крепкие слова Черчилля, подобранные им для отрицательной характеристики положения дел в Восточной Германии. Мы, конечно, могли бы найти не только не менее хлесткие, но и гораздо более правдивые слова для характеристики положения дел в Западной Германии, но сейчас дело не во взаимной перебранке.

Для всех должно быть ясно, что расчленение Германии означает восстановление очага военной опасности в центре Европы. Германский народ не примирится с утратой своего единства, добытого им ценой больших усилий и жертв около века тому назад. Поэтому основная задача в отношении Германии состоит в том, чтобы ликвидировать существующий ныне раскол германского государства, подготовить и заключить такой мирный договор с Германией, который в соответствии с основными принципами Потсдамского соглашения великих держав обеспечит создание единой, демократической миролюбивой Германии.

При этом главной заботой стран, не раз страдавших от германской агрессии, должно быть предотвращение возрождения германского милитаризма. Вместе с тем немецкому народу должны быть обеспечены все условия для развития мирной промышленности Германии, для соответствующего ее производственно-техническому уровню участия в экономической жизни мира, для дальнейшего роста ее богатой национальной культуры.

В этом отношении новый мирный договор должен избегнуть ошибок версальской системы, направленной на закабаление великой нации. Ни для кого не секрет, что авторы версальской системы больше были озабочены недопущением экономического возрождения Германии, как конкурента на мировых рынках, чем действительным предотвращением ремилитаризации Германии.

Обойдя такие важнейшие вопросы, как объединение Германии и заключение с ней мирного договора, и подчеркнув верность английского правительства своим последним сепаратным обязательствам в отношении Западной Германии, Черчилль вверг в недоумение и тех, кто хотел бы видеть в его выступлении действительное стремление к урегулированию существующих в современном мире разногласий.

Обращает на себя внимание тот факт, что Черчилль вовсе не вспомнил о существовании англо-советского договора о взаимопомощи, заключенного в 1942 году в Лондоне в целях недопущения новой германской агрессии. Между тем, этот договор был заключен ради укрепления безопасности как СССР, так и Англии и находится в полном соответствии с основными международными документами по германскому вопросу и в том числе с Потсдамским соглашением.

В своем выступлении Черчилль затронул австрийский вопрос, указав, что заключение государственного договора с Австрией также способствовало бы разрядке напряженности современной международной обстановки. В связи с этим следует подчеркнуть, что прямую ответственность за затяжку решения вопроса об Австрийском договоре несут правительства США, Великобритании и Франции, которые допускали не только серьезные колебания, но и прямые отступления от позиций, ранее согласованных между четырьмя державами.

Дело дошло до того, что три западные державы отказались от текста государственного договора с Австрией, который после продолжительных обсуждений был почти полностью согласован между четырьмя державами. Они противопоставили этому согласованному тексту договора свой собственный, выработанный без участия СССР, так называемый «сокращенный договор», грубо попирающий права Советского Союза, а также демократические права австрийского народа.

Все это показывает, от кого именно зависит возможность устранить препятствия на пути к заключению государственного договора с Австрией.

Во время прений в палате общин ряд депутатов обратил внимание на то, что во всем докладе британского премьер-министра не было упоминания о Китае. Такого рода замечания имели под собою почву.

Выход китайского народа на широкую дорогу социального прогресса знаменовал собою существенное изменение во всей международной обстановке. Разумеется, это не могло пройти мимо внимания британского премьер-министра. Если на этот раз Черчилль и не коснулся вопроса о Китае, то лидер лейбористов в палате общин Эттли напомнил о том, что нельзя игнорировать законных прав и интересов великой Китайской Народной Республики.

«Китай, — сказал Эттли, — должен будет занять принадлежащее ему по праву место в Совете Безопасности. Судя по всему, он становится довольно мощной державой, он имеет право быть одним из членов Большой пятерки».

Это заявление опирается, конечно, не на симпатии Эттли к коммунизму, в чем его мог заподозрить разве только Маккарти, а на реальные экономические интересы Англии, являющиеся, как известно, основой политических интересов. Эттли вполне резонно разъясняет, почему Англия заинтересована в урегулировании отношений с Китаем. Он подчеркивает, что надежды Англии на расширение торговли с США серьезно ослабели, а «помощь» США не может компенсировать ущерба от свертывания торговли. «Торговля, а не помощь» — вот защищаемая Эттли позиция, которую нельзя не признать разумной с точки зрения насущных интересов Англии, да и не только Англии. Эттли довольно горько упрекает заокеанских союзников: «Нас постоянно побуждают не торговать с Китаем даже теми товарами, которые имеют весьма отдаленное отношение к военным усилиям. Мы также жизненно заинтересованы в урегулировании этого китайского вопроса, как и любая другая страна».

Другой видный лейборист — Бивен, возглавляющий оппозицию внутри лейбористской партии, выступил недавно с заявлениями, которые еще больше подчеркнули неотложность решения проблемы взаимоотношений с Китаем.

Может быть, в своем антикоммунистическом чувстве Черчилль не уступает некоторым другим государственным деятелям Запада, видящим «руку Москвы» во всех национально-освободительных движениях колониальных и полуколониальных народов. Однако он, как видно из его выступления, не дал воли этому чувству. Об этом свидетельствует хотя бы следующее его заявление: «Я должен сказать, что по моему мнению, — я осмеливаюсь высказать свое мнение — внезапное продвижение войск Вьетмина или их фуражирских отрядов к сиамской границе не должно побуждать нас сделать вывод, что речь идет об инспирированном Советами мероприятии».

Чем больше государственные деятели Запада будут считаться с действительными фактами при оценке причин все усиливающихся национальных и национально-освободительных движений в Азии или в какой-либо другой части земного шара, тем больше будет шансов на взаимное понимание между «Западом» и «Востоком», тем больше будет возможностей избежать излишних осложнений и кровопролитий.

Следует отметить, что в отличие от некоторых других руководителей буржуазных государств Черчилль не ограничился общей декларацией о желательности мирного урегулирования существующих разногласий в международных отношениях. Он выступил с конструктивными предложениями о методах рассмотрения назревших вопросов международного положения.

Черчилль заявил, что «должно состояться совещание в самых высших сферах между ведущими державами без долгих отлагательств» и что «в совещании должно принять участие минимально возможное число держав и лиц. Эта встреча должна быть в известной степени неофициальной и в еще большей степени закрытой и уединенной».

Как видно, Черчилль, не в пример некоторым другим государственным деятелям Запада, не связывает свое предложение о созыве совещания с какими-либо предварительными обязательствами для той или иной стороны.

Долголетний и богатый опыт в международных отношениях, очевидно, ограждает Черчилля от того элементарного заблуждения, будто в обстановке мирных отношений одна сторона может диктовать другой стороне, да еще такой стороне, как Союз Советских Социалистических Республик, предварительные условия соглашения по спорным международным вопросам. Черчилль не мог не учитывать того общеизвестного в международной практике обстоятельства, что предварительные условия переговоров могут быть продиктованы либо во время войны победившей стороной побежденной стороне, либо при неравном соотношении сил, когда сильная сторона хочет поживиться за счет слабой стороны и под угрозой непосильной для нее войны заставить ее принять продиктованные «мирные» условия.

Нельзя не отметить важность предложения, внесенного Уинстоном Черчиллем, опирающегося, очевидно, на опыт непосредственных общений руководящих государственных деятелей в недавнем прошлом. Оживленные положительные отклики на это предложение во многих странах мира подтверждают его значение.

Таким образом, содержащийся в выступлении Черчилля призыв к урегулированию хотя бы некоторых основных проблем и тем самым к смягчению остроты положения на международной арене является вполне актуальным в современной обстановке.

13 мая появилось заявление государственного департамента США по поводу речи британского премьер-министра, причем президент Эйзенхауэр сообщил, что им одобрен текст этого заявления.

В заявлении госдепартамента не отрицается возможность организации предложенного Черчиллем узкого совещания государственных деятелей. Однако снова выдвигается известная идея о предварительных условиях, которые почему-то односторонне предъявляются Советскому Союзу. Оказывается, СССР должен еще что-то сделать для успеха переговоров в Паньмыньчжоне и для решения вопроса об австрийском договоре, хотя после всего происшедшего совершенно очевидно, что в обоих этих случаях дело не за Советским Союзом, а за Соединенными Штатами и Англией, которые еще не внесли своей «справедливой доли» ни в том, ни в другом случае.

Как видно из откликов печати, а также из заявления госдепартамента США, позиция Черчилля, поддержанная видными представителями политических партий Англии, встречена «сдержанно» или даже «холодно» в определенных ответственных кругах Соединенных Штатов. Возможно, что некоторое расхождение взглядов между государственными деятелями Англии и США объясняется все более явно вырисовывающимися экономическими противоречиями между ними, что в немалой мере связано с жесткой линией ограничения торговли западноевропейских стран, проводимой Соединенными Штатами.

Что же касается СССР, то наряду с отрицательным отношением советского общественного мнения к ряду конкретных положений Черчилля, о которых говорилось выше, оно с интересом встретило некоторые конструктивные моменты, содержащиеся в его выступлении. Будущее покажет, насколько эти моменты выражают действительные намерения английского правительства, возглавляемого Черчиллем.

Нельзя не признать, что уже появились симптомы, которые не могут не вызвать чувства настороженности в этом отношении у советских людей и среди международных кругов, отстаивающих дело мира. Речь идет о предполагаемой встрече глав правительств трех держав — США, Англии и Франции — якобы в целях выработки общей линии или даже согласованной позиции на случай возможных переговоров великих держав. Если это так, то это значит, что западные державы и впредь намерены продолжать линию сговора между собой за счет СССР.

В то же время это значит, что Черчилль фактически уже отступает, если не от буквы, то во всяком случае от духа своего предложения о созыве «совещания в высших сферах», ибо такое совещание, поскольку речь идет об участии в нем СССР, могло бы произойти лишь в том случае, когда стороны идут на совещание без всяких предварительно фиксированных требований. Предполагаемая же встреча глав трех держав, очевидно, имеет целью выработку таких требований для предъявления их Советскому Союзу.

Вместе с тем, планируемая предварительная встреча трех держав означает продолжение старой, никак не оправдавшей себя, линии противопоставления друг другу государств по принципам идеологии и социально-политического строя.

Само собой разумеется, что наличие нового сговора группировки западных держав в настоящее время не только не способствует разрядке международной обстановки, но, напротив, может повести к дальнейшему усилению напряженности в международных отношениях.

Совершенно очевидно, что как бы ни различались между собой социальные системы отдельных государств, есть немало жизненно-важных моментов, в которых интересы народов этих государств сходятся. К таким жизненно-важным моментам относятся, прежде всего, мир и развитие торгово-экономического и культурного сотрудничества народов.

Советский Союз всегда готов с полной серьезностью и добросовестностью рассмотреть любые предложения, направленные на обеспечение мира и возможно более широких экономических и культурных связей между государствами.

(**«ПРАВДА»**. 24 мая 1953 г.)

Гафуру Гуляму

Дорогой Гафур Гулямович!

Президиум Союза советских писателей СССР приветствует и поздравляет Вас, одного из выдающихся писателей и деятелей культуры узбекского народа, в день Вашего славного пятидесятилетия.

Ваши замечательные произведения являются неоценимым вкладом в сокровищницу советской поэзии. Вы запечатлели в своих стихах и поэмах героический путь народа — строителя коммунистического общества. В годы первой сталинской пятилетки, в годы коллективизации сельского хозяйства Вы воспевали трудовые подвиги узбекского народа. В годы Великой Отечественной войны Вы создали ряд ярких произведений о героизме советских воинов и тружеников, утверждали в своих стихах идеи нерушимой дружбы, братства народов Советского Союза.

Ваша книга «Иду с Востока», удостоенная Сталинской премии, известна далеко за пределами Советского Союза.

Сегодня, когда все прогрессивное человечество борется за мир, против поджигателей войны, громко звучит в этой борьбе и Ваш голос поэта-патриота.

Сердечно поздравляя Вас в день Вашего юбилея, президиум Союза советских писателей СССР желает Вам, дорогой Гафур Гулямович, здоровья, долгих лет жизни и больших творческих успехов во славу многонациональной советской литературы.

ПРЕЗИДИУМ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

РАБОЧИЕ ЗАЩИЩАЮТ ДИПЛОМНЫЕ ПРОЕКТЫ

Около 1500 работников Московского автозавода имени И. В. Сталина обучается в вузах и техникумах столицы. Сейчас выпускники заочного отделения станко-инструментального техникума приступили к защите дипломных проектов. Темы студенческих работ посвящены важнейшим проблемам автомобилестроения.

Высокую оценку получили проекты, выполненные мастером штампо-механического цеха С. Посохиным, диспетчером П. Мысковой, электромонтером Н. Горчаковым и другими. Используя достижения заводских новаторов, дипломники усовершенствовали способ изготовления картера руля автомобиля «ЗИС-150», предложили рациональный метод производства деталей заднего моста автомашины, спроектировали пролеты механических цехов для обработки различных изделий.

Наступила горячая пора и для автозаводцев—студентов первых курсов Московского автомеханического института, Всесоюзного заочного машиностроительного института и других учебных заведений. Готовятся к весенне-летней экзаменационной сессии знатный скоростник С. Бушуев, мастер прессового цеха М. Журавский, мастер инструментального цеха Л. Игнатов, экономист литейного цеха В. Сливкин.

А. А. Мирцхулава (Машашвили)

Дорогой Алио Андреевич!

Президиум Союза советских писателей СССР приветствует и поздравляет Вас, одного из выдающихся поэтов Советской Грузии, в день Вашего славного пятидесятилетия.

С первых лет своей творческой деятельности Вы активно и успешно боролись за создание в Грузии боевой политической поэзии. Ваши заслуги в этой области очень велики. В замечательных стихотворениях и поэмах, ставших любимыми произведениями широких масс читателей Грузии, Вы запечатлели социалистическое переустройство нашей великой Родины, воспели патриотические дела советского народа, великую дружбу братских народов нашей страны. В дни Великой Отечественной войны Вы прославляли героические подвиги советских воинов, вселяя твердую уверенность в победе нашего правого дела.

От души желаем Вам, дорогой Алио Андреевич, долгих лет жизни и новых творческих успехов на благо нашей великой многонациональной Родины.

ПРЕЗИДИУМ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

СЕГОДНЯ В ЯЗ-ЯВАНСКОЙ СТЕПИ

Шараф РАШИДОВ

Яз-Яванская степь... Покрытая песчаными барханами, топкими болотами, камышевыми зарослями и озерами, изъеденная белыми язвами солончаков, лежит она в центре Ферганы, плотно стиснутая со всех сторон садами и плантациями цветущей долины.

Издавна в этих пустынных степях селились узбекские бедняки, бежавшие сюда от непосильных налогов, от издевательств и преследований ханов, беков и баев. Среди песков и болот люди рыли землянки, служившие им жильем, на клочках земли, отвоеванных у мертвой степи, выращивали хлопок, маш, кукурузу, джугару. Так, много лет назад в степи возник бедняцкий кишлак Яз-Яван, жители которого назывались в ту пору людьми, дважды наказанными богом.

Родившись в песках Яз-Явана, с детских лет много бед, горя и слез испытал и повидал здесь Шаимкул Маматов. И все-таки всем сердцем полюбил Шаимкул неприветливые, суровые просторы своей родной Яз-Яванской степи.

Каждую весну, когда утихали злые холодные ветры и солнце старательно начинало выжигать раскаленными лучами землю Яз-Явана, Шаимкул с кетменем в руках появлялся на своем маленьком поле. Надеясь вырастить небольшой урожай и заработать на кусок хлеба, он принимался за дело.

Но жестока и коварна земля Яз-Явана. Почти каждый год налетали песчаные бури и уничтожали посевы дехкан, ливни и потоки подземных вод размывали поля, рушили ветхие земляные жилища бедняков.

Дехкане, часто лишаясь земли, посевов, крова, покидали степь и, разоренные, с семьями уходили в города на поиски заработка.

Много раз стихийные бедствия обрушивались на плечи Шаимкула. Несколько раз он покидал Яз-Яван, и каждый раз, после долгих скитаний и мытарств, не находя работы, снова возвращался.

«В сердце трудового человека всегда живет надежда»,— говорят в народе. У Шаимкула не было ни гроша в кармане, куска хлеба в доме, но в сердце всегда жила надежда на лучшее будущее. Он мечтал и надеялся увидеть, как зацветут сады, зазеленеют поля, зажурчат оросительные каналы в родной Яз-Яванской степи. Он мечтал о новых счастливых днях родного края.

Это счастье принес людям труда великий Октябрь. Новый радостный трудовой день, о котором мечтали Шаимкул Маматов и тысячи его земляков, пришел в Центральную Фергану, в Яз-Яванскую степь. Голубыми лентами долину перерезали Большой Ферганский канал имени Сталина, Северный и Южный Ферганские каналы, Ляганский, Улугнарский, канал имени Ахунбабаева и десятки огромных коллекторов. На десятках тысяч гектаров некогда мертвой, пустовавшей земли зашумели, буйно зацвели колхозные нивы.

Вооруженные первоклассной советской техникой, люди за короткий срок перекроили, неузнаваемо изменили карту Ферганской долины. Андижанские хлопкоробы пришли на Бузский массив, и на вчерашних солончаках сегодня уже цветут сады и поля нового Бузского района. На левом берегу Сыр-Дарьи наманганские колхозники стерли с лица земли болота, и на карте возник еще один новый район—Задарьинский. Преобразуя степи и камышевые заросли Яз-Явана, ферганские хлопкоробы создали здесь богатые колхозы.

С юга и севера, с востока и запада сжимается зеленое кольцо вокруг пустынных земель Центральной Ферганы. На степных массивах Дамкула, Мамахана, Наймана, Каракалпака, на берегах Калган-Дарьи и Улугнара с каждым днем нарастает гул экскаваторов, бульдозеров, скреперов, канавокопателей и автомобилей. А по проселочным дорогам в глубь степи идут, идут новые машины. Они выходят на рубежи еще более могучего и стремительного наступления...

Неделимый фонд колхоза — это главный источник непрерывного роста, развития общественного хозяйства. Колхозы нашей страны, постоянно пополняя неделимые фонды, достигают непрерывного расширения общественного хозяйства. Неделимые фонды помогают колхозам расширять посевные площади, сооружать новые оросительные и осушительные каналы и водохранилища, приобретать машины, сооружать фермы, гидроэлектростанции.

К 1953 году неделимые фонды колхозов Узбекистана составили около 7 миллиардов рублей. Это в три с половиной раза больше, чем в 1940 году. Неделимые фонды колхозов Ферганской долины — основной хлопковой базы Узбекистана — составляют сейчас 3 миллиарда рублей.

Благодаря неустанной заботе Советского правительства и Коммунистической партии, с каждым днем крепнут и богатеют колхозы, с каждым днем зажиточнее становится жизнь узбекских хлопкоробов.

В прошлом году ферганские колхозники возбудили ходатайство перед Союзным правительством об освоении новых земель за счет неделимых фондов колхозов. Эти земли необходимы колхозам, чтобы еще больше росло их общественное хозяйство, чтобы еще зажиточнее жили колхозники. И патриотическая инициатива колхозного крестьянства была поддержана.

Работы по освоению 150 тысяч гектаров земли в Центральной Фергане и ста тысяч гектаров в Сурхан-Дарьинской области за счет неделимых фондов колхозов рассчитаны на восемь-десять лет. Эти работы ведутся в экономических районах, которые издавна были густо заселены, но недостаток удобных земель сковывал дальнейшее их развитие. Для выполнения этих работ будет затрачено около двух миллиардов рублей. Работы столь огромного объема будут производиться в две очереди. В первую очередь в течение 4—5 лет намечено освоить 60 тысяч гектаров в степях Центральной Ферганы и около 10 тысяч гектаров новых земель в Сурхан-Дарье.

Наступление на пустынные земли Центральной Ферганы принимает с каждым днем все более широкий размах. Составлены планы расширения Большого Ферганского канала имени Сталина протяженностью 65 километров. Создаются подсобные предприятия — механический, деревообделочный, бетонный заводы, учебный комбинат, на новых землях возникают красивые, благоустроенные поселки, прокладываются новые автомобильные магистрали.

Наступление началось. И уже сегодня покорители Центральной Ферганы с гордостью подводят первые итоги своей работы: в степях Мамахан и Каракалпак нынешней весной освоено и засеяно хлопчатником около двух тысяч гектаров новых земель!

Недавно я побывал в колхозе «Сталинабад», созданном в центре Яз-Яванской степи по инициативе старого хлопкороба Шаимкула Маматова. Утопая в зелени молодых садов, сверкая ослепительной белизной строений, колхозный поселок возникает перед взором среди неоглядного песчаного моря, как мираж. Сооруженный коллектор Сарыджуга позволил переселенцам быстро осушить болота, промыть солончаки и за короткий срок освоить 200 гектаров плодородной земли.

Трудно на первых порах приходилось колхозникам. Песчаные бури, нехватка пресной воды, солончаки, болота и камышевые заросли, будто сопротивляясь воле человека, создавали на каждом шагу трудности. Но ничто не могло остановить наших людей. Советское правительство оказывало им повседневную помощь. В далекий степной колхоз направлялись мощные насосы, тракторы, автомашины, строительные материалы, были выделены средства на сооружение жилых домов для переселенческих хозяйств. Все это позволило в течение года построить 50 новых красивых, благоустроенных домов.

...Недалеко от поселка бригада экскаваторщиков прокладывала трассу нового коллектора. Стальные зубья большого ковша легко вонзались в твердый грунт и, наполнив ковш, выгружали его на край котлована. Не проходит и двух секунд, как ковш снова наполняется, новая гора земли вырастает на краю котлована.

Машинист Владимир Федянин сдавал смену своему напарнику, лучшему экскаваторщику «Ферганводстроя» Андрею Арутюнову.

— Как работает машина? — пожимая руку приятелю, спросил Андрей Арутюнов.

— Безотказно!

К нам подошел бригадир экскаваторщиков Михаил Павлович Цурган. Он рассказал, как люди, оседлав богатую технику, добиваются высокой производительности труда.

— Посудите сами,—говорит Цурган,— машина за смену выбрасывает более 250 кубометров грунта. И никогда не устает,— смеется бригадир.

Он немного помолчал и, указывая на прорытый канал, с гордостью добавил:

— Мы все желаем одного: как можно скорее закончить трехкилометровый коллектор. Колхоз «Сталинабад» сможет освоить уже в нынешнем году не одну сотню гектаров новых, ранее бесплодных земель.

В словах экскаваторщика прозвучала глубокая любовь к колхозу, сердечная заинтересованность в общем деле покорения природы.

Вместе с начальником «Ферганводстроя» Шаметом Айтметовым и главным инженером Василием Федоровичем Шпотиным мы пришли в молодой сад, выращенный среди песков бригадиром Шаимкулом Маматовым.

Угощая нас душистым чаем, Шаимкул, щуря на солнце свои веселые глаза, рассказывал:

— В прошлом году на пяти гектарах я посадил виноградник, абрикосы, яблони, персики, гранаты, инжир. А ныне еще на 10 гектарах разбили фруктовый сад. Помню, в прошлом году из всей нашей рощи только одно персиковое дерево принесло первые плоды. Это были первые плоды, созревшие в пустыне. Представляете, какой был у нас праздник!

Шаимкул долго водил нас по молодому саду.

— Спасибо, отец, — горячо благодарил старика инженер Шпотин.— Вы даже не представляете себе, какое большое дело сделали, вырастив здесь сады, разбив огороды.

Шпотин стал горячо и вдохновенно рассказывать старику о завтрашнем дне Центральной Ферганы, о новых машинах, которые уже пришли сюда на стройку, о новом учебном заведении, в котором будут учиться покорять пустыни дети колхозников, о 65 тысячах гектаров новых земель, на которых к концу пятилетки уже созреет урожай хлопка, о новых каналах, ирригационных сооружениях и даже о новых песнях, которые придут в Яз-Яванскую степь.

Старик слушал внимательно, радостная улыбка светилась на его лице, молодо и задорно горели глаза. Он кивал головой и крепко жал нам руки. Да, так будет! Долго мечтал старый Шаимкул об этом дне, о новом дне родной Яз-Яванской степи. Этот день пришел.

ФЕРГАНА—ТАШКЕНТ

ПЕРВЫЙ ТОМ „ИСТОРИИ МОСКВЫ"

Н. АНЦИФЕРОВ

Институт истории Академии наук СССР уже несколько лет работает над подготовкой шеститомной истории столицы нашей Родины Москвы.

Вышедший ныне первый том *, охватывающий пять веков (с XII по XVII), представляет собой значительный вклад в историческую науку.

Среди большого количества книг, посвященных истории Москвы, до сих пор не было ни одного труда, в котором начальный период ее существования был бы освещен в глубокой органической связи со всей историей страны. История города в дореволюционных исследованиях сводилась к изложению обстоятельств его возникновения, роста, к рассказу о его быте, к описанию архитектурных памятников и внешнего облика. При этом утрачивалось самое ценное — освещение роли Москвы в истории родной страны.

В рецензируемом томе показана историческая заслуга Москвы, как основы и инициатора создания централизованного государства, как средоточия экономической, политической и культурной жизни Руси. Столица Русского государства становится центром формирующейся русской (великорусской) народности, центром возникновения общерусского языка. Одна из ведущих тем книги — тема борьбы за свободу и независимость русского народа.

В конце периода, освещенного в первом томе, Москва приобретает крупное международное значение: «Выросшее в условиях борьбы с татаро-монгольской, турецко-татарской, польско-литовской и немецкой агрессией, Русское государство сделалось естественным центром притяжения для всех народов, задавленных агрессией этих государств. Украинцы и белорусы, южные славяне и греки, молдаване и валахи, народы Северного Кавказа и Закавказья смотрели на русский народ, как на своего защитника, на которого они могли опереться в отстаивании своей самостоятельности, в борьбе за освобождение от иноземного ига. В Москву, столицу Русского государства, обращались они за поддержкой и помощью».

Составителям тома удалось показать ведущую роль Москвы в русской истории XIV—XV веков. Умение найти нужные рамки для освещения событий, связанных с историей Русского государства, при изучении прошлого древней столицы — удача авторов. Удалось и решение другой сложной задачи: характеризуя своеобразие Москвы и ее исторического пути, отметить в ее истории и типические черты любого города в период феодализма.

В каждой главе, посвященной определенному периоду истории города, освещается хозяйственная, политическая и культурная жизнь Москвы, характеризуется рост ее территории, строительство, состав населения.

В разделах, посвященных хозяйственной жизни Москвы, история города дана в связи с развитием производительных сил и производственных отношений, как история производителей материальных благ, история трудящихся масс. Новейшие данные археологии по-новому осветили технику седой старины, показали ее достижения. В книге приведены давно забытые имена колокольного мастера XIV в. Бориска, ювелира Ивана Фомина (XV в.), пушечника Якова Фрязина и «Яковлевых учеников — Вани и Васюка» (XV в.), кузнеца Оружейной палаты Дмитрия Осипова Рожека и многих других. В книге описан ряд изобретений русских мастеров, в том числе так называемых «гуляй-городов», подвижных крепостей XVI — начала XVII века.

В миниатюрах, включенных в текст, изображена постройка каменного Кремля в 1367 г., постройка памятника покорения Казани — храма Василия Блаженного, плотничная работа, пивоварение, портной за шитьем кафтана, лавка башмачника, переписка книг... В главе, характеризующей хозяйство Москвы в XVII веке, прослежено постепенное расширение торговых связей Москвы, показано, что Москва в то время была центром всероссийского рынка. В других главах охарактеризован рост населения и последовательность роста территории.

Большое внимание уделено в книге классовой борьбе в городе. В особенности интересна глава о восстании 1382 г., когда при приближении орд Тохтамыша московские «черные люди» восстали против феодалов и взяли оборону города в свои руки: «имеем бо град камень тверд и врата железна; и не терпят татарове стояти под градом нашим долго». Так «черные люди», трудящиеся Москвы, показали себя бесстрашными, подлинными патриотами.

В первом томе тщательно прослежены попытки угнетенных сбросить феодальный гнет: восстание 1547 г. и восстание Хлопка 1603 г., широкий размах которого «позволяет характеризовать его, как первый этап крестьянской войны в Русском государстве», и мощное движение, возглавленное Иваном Болотниковым. Внимательно изучен состав участников «соляного бунта» 1648 г. и «медного бунта» 1662 г., а также обрисовано настроение посадских в дни приближения Степана Разина. Характеризуя состав населения феодальной Москвы, авторы вскрывают противоречия и внутри борющихся классов, рассказывают о различных течениях в среде феодальной верхушки.

Вместе с тем в главах, посвященных борьбе с интервентами в 1610—1611 гг., рассказывается, как в годы, когда возникла угроза независимости Русского государства, социальные низы, всегда патриотически настроенные, становились на защиту Родины вместе со всеми, кто шел ча борьбу за Москву: «во мнении широких народных масс представление о независимости и могуществе «Российского царствия» было неотделимо от представления о Москве как центре государства, его «царствующем граде».

Яркие страницы посвящены событиям 19 марта 1611 года, когда интервенты жгли Москву и в посаде произвели жестокую резню. «Тогда поднялся весь московский люд. Загудел набат. За Живым мостом в Замоскворечье взвились знамена. В Белом городе москвичи успели уже приготовиться: «заметали» (забаррикадировали) улицы, свезли с башен орудия, и, расставив их по улицам, «обдавали огнем» врагов». Нельзя без волнения читать страницы, посвященные освобождению Москвы народным ополчением во главе с нашими славными предками Мининым и Пожарским.

Глубоко освещаются в томе проблемы культурного роста Москвы, который охарактеризован в тесной связи с хозяйственной жизнью города, с социальными процессами и политической борьбой. Древние памятники русской культуры, достижения архитектуры, живописи, прикладного искусства навсегда останутся гордостью русской нации.

Особенно удачно, на наш взгляд, раскрыта связь искусства с социальными процессами в статьях С. В. Безсонова и А. Н. Свирина. «Политическая тенденция, которой проникнуто московское зодчество XVI в., усиливалась применением живописи как фресковой, так и станковой. Подобно литературе, живопись призвана была в ярких образах показать извечность и силу центральной власти». Убедительным примером, подтверждающим справедливость этого положения, являются росписи Золотой палаты Кремлевского дворца, в которых представлены главнейшие события русской истории, подготовлявшие возвышение Москвы.

В статье А. Н. Свирина подчеркнуто стремление к реализму в живописи XVII в. в соответствии с общим характером развития русской культуры. Глава новой школы Симон Ушаков был не только замечательным живописцем, но и теоретиком искусства, а его ученик Владимиров поднял голос протеста против традиционного стиля в иконописи. «Кто из благомыслящих не посмеется такому юродству, будто бы темноту и мрак паче света предпочитать следует?» В статье показывается борьба в искусстве, когда против нового направления с его реалистическими устремлениями восстали как ревнители древнего благочестия, так и реформаторы (сторонники исправления церковных книг и обрядов по греческим образцам) во главе с Никоном.

Мы читаем о переписчиках книг, о первом «мастере печатных книг» Нефедьеве — предшественнике Ивана Федорова, о старинных библиофилах, об их широких интересах.

В статье М. Н. Тихомирова охарактеризовано идейное и художественное богатство московской литературы XIV—XV вв. Удачно раскрыта ее связь с политической борьбой своего времени при анализе публицистики XV и XVI вв. в статье К. В. Базилевича. Авторы подчеркивают самобытность русской литературы, ее взаимодействие с литературой других народов, вскрывают народные корни памятников письменности, уделяют большое внимание фольклору.

Убедительно показана в книге роль Москвы как ведущего культурного центра Руси. «Отсюда по стране распространялись научная и техническая мысль, зачатки светского просвещения. В то же время Москва стягивала к себе все наиболее яркое и талантливое со всей страны. Наиболее совершенные образцы искусства — в живописи, архитектуре и прикладном искусстве — появились в Москве. Москва сыграла крупную роль в выработке самобытного национального русского стиля в искусстве и распространении его по стране».

Отметим некоторые из имеющихся в первом томе «Истории Москвы» упущений.

Выясняя вопрос о происхождении Москвы, автор статьи М. Н. Тихомиров ограничился описанием возникновения ее из тьмы «глухих вятических лесов». Между тем следовало бы подчеркнуть, что Москва является детищем городов Ростово-Суздальской Руси, продолжательницей их политических и культурных традиций.

Напрасно ничего не сказано в книге ни о рельефе города, ни о происхождении радиально-кольцевой системы его плана. Обойден и столь существенный вопрос, как система обороны Москвы монастырями-сторожами и сетью городов-крепостей на подступах к древней столице.

При изучении истории всегда интересно ознакомиться с наиболее значительными личностями, как с типическими выразителями тех или других исторических процессов. К сожалению, в первом томе нет портрета Юрия Долгорукого, как государственного деятеля. Недостаточно обрисован Иван IV (хотя дана очень удачная характеристика его, как писателя). Нет литературного портрета Ивана Болотникова. Слабо даны образы Минина и Пожарского.

В главах о литературе недостаточно освещено воздействие Москвы на литературную жизнь других феодальных центров.

В главах о живописи и архитектуре был бы желателен более глубокий анализ художественной ценности памятников.

Первый том «Истории Москвы» хорошо оформлен; большим достоинством является прекрасный подбор иллюстраций, органически связанных с текстом. Редакция сделала все возможное, чтобы облегчить пользование книгой. В ней имеется обширная библиография, список сокращений, указатель имен, указатели топографический и географический, перечень иллюстраций и планов. Помимо карт и планов, книга имеет особый атлас.

Читатель с большим интересом ждет выхода в свет остальных томов «Истории Москвы».

* «История Москвы». Том I. Период феодализма — XII—XVII вв. Академия наук СССР. Институт истории. Москва. 1952 г. 779 стр.

Николай ТИХОНОВ

Мастер большого искусства

Если бы спросили меня, молодого человека, в годы, предшествовавшие Октябрьской революции, знаю ли я писательницу по имени Ольга Форш, я искренно ответил бы, что ничего не читал, подписанного этим именем. Это не значило, что она не писала в те годы,— она писала в журналах целых девять лет, но только после Октября вспыхнул настоящим светом ее острый и оригинальный талант, и среди молодых писателей тех далеких и бурных лет, дышавших пороховым огнем и верой в социалистическое переустройство мира, она заняла свое, особое место, став решительно и смело в передовых рядах зачинателей советской литературы.

Она приобрела популярность у миллионов читателей, создав первый советский исторический роман «Одеты камнем». Она написала сценарии известных фильмов «Дворец и крепость» и «Пугачев». Ее перу принадлежит значительная, написанная с замечательным знанием времени трилогия о великом просветителе-революционере Радищеве. Эта трилогия нашла свое продолжение в романе «Михайловский замок». В настоящее время она работает над романом «Декабристы». Историческая тема является как бы ведущей темой ее творчества, потому что, если мы возьмем даже такую талантливую книгу, как парижские очерки «Под куполом», или главы из «Живописной автобиографии», или рассказы из советской жизни, рассказы оптимистические, живые, написанные богатым языком, то все равно мы вернемся к тем большим героям и сценам, которые создал умный и щедрый талант в широких исторических картинах, изображающих далекое прошлое со всей силой большого изобразительного искусства.

Я назвал эти книги, как самые значительные. Но у Ольги Форш много произведений. Можно назвать романы «Современники», «Горячий цех», «Сумасшедший корабль», «Ворон». Можно назвать ее рассказы, очерки, сценарии, либретто опер, пьесы. Дело не в перечислении.

Я не ставлю себе задачу анализировать подробно весь тот трудный, сложный, большой литературный путь, который прошла писательница, боровшаяся с многими литературными искушениями, подпадавшая под влияние мешавших ее развитию явлений старой, дореволюционной культуры. Я хочу говорить о живой силе ее творчества, о светлом огне ее жизнеутверждающего таланта, о вечной молодости ее лучших произведений.

Я хочу говорить о большом мастере большого искусства, о выдающемся живописце словом в том понимании, в каком Максим Горький говорил о литературе, как об искусстве живописи словом.

Ольга Форш в своих книгах являет прекрасный пример жизненности темы и писательской молодости. Мы видим ее погруженной в работу над новым романом, — теперь, когда мы отмечаем восьмидесятилетие со дня ее рождения и сорок пять лет ее литературной деятельности.

Это — торжество не только замечательного долголетия, это — торжество вечно бодрствующей мысли, неустанного творческого вдохновения. И нам радостно видеть нашего друга в такой знаменательный день ее жизни крепко держащим перо в руке и продолжающим кропотливый, постоянный благородный писательский труд, торжествующий над годами.

Она росла вместе с ростом советского общества, отринув предрассудки прошлого, которое так цепко держало ее в годы молодости. Октябрьская революция дала ей такие новые силы, что она могла заглянуть в мрачные годы бесправия и гнета, осветив их отблеском нашего победоносного времени.

Об истории можно рассказывать по-разному. Я был в свое время свидетелем следующего случая. В старом дворцовом парке в городе Пушкине рабочие чистили запущенный большой пруд. Среди векового черного ила они нашли маленький золоченый башмачок и с удивлением рассматривали его, не понимая, откуда он взялся на дне этого дворцового пруда.

Явился экскурсовод, опытный человек, знаток всех тонкостей дворцовых обычаев прошлого. Он рассказал внимательно слушавшим его рабочим, что это башмачок с ноги красотки восемнадцатого века, вероятно, екатерининского времени. Он нарисовал им картину, как лунной ночью придворная красотка каталась по этому большому пруду в лодке с кавалером и нечаянно уронила свой башмачок в воду. Он подробно описывал платья и обычаи императорского двора, с восторгом приводя соблазнительные анекдоты, связанные с парком и дворцом. Он напомнил мне некоторых писателей дореволюционных времен, которые были такими же экскурсоводами, болтавшими в своих повестях и романах о нравах екатерининского двора и «тайнах венценосцев».

Ничего общего не имеют исторические романы Ольги Форш с такими переводными картинками. Суровым холодом и мраком крепостничества дышат их страницы. Стены казематов сменяются дворцовыми залами и кабинетами. Из лагеря Пугачева вы переноситесь на заседание слуг «казанской помещицы» — властительной Екатерины, трепещущей перед глухим гулом народного восстания.

Да и герои этих романов — не придворные фаты, а трагические и вольнолюбивые люди, погибающие в неравной борьбе, но твердо уверенные в своей правоте, идущие на мучения и смерть за далекое счастье свободного народа.

Автор как будто нарочно водит читателя по страшным местам застенков и казней, показывает одно царствование за другим, чтобы у читателя не осталось никаких сомнений относительно того, что смена царей не могла означать перемену народной жизни к лучшему. Все эти «миропомазанники», беспощадно убирая со своего пути соперников, даже прикрываясь модной «вольной» философией, оставались палачами мысли и свободы, и чем гуманнее хотел показаться такой деспот, тем чернее были его злодеяния и преступления против народа.

Погибающий в каменном мешке Бейдеман, стоя одной ногой в гробу, все же страшен для взбешенного и испуганного царя. Радищев, великий в своем ощущении грядущего возмездия тиранам, безгранично смелый и неподкупный, заставляет содрогнуться всесильного временщика Потемкина, почувствовавшего его безмерную силу, и царицу, заигрывавшую с Вольтером и пораженную силой «пагубной книги», беспощадно разоблачавшей ее лживый гуманизм.

Эпиграф, к роману «Радищев», взятый из Пушкина, очень верно передает замысел автора: «...человек без всякой власти, без всякой опоры дерзает вооружиться против самодержавия, против Екатерины!»

Да, они все дерзали, начиная с малого. Дерзал Радищев, дерзал Бейдеман; за ними вставали каждый со своим протестом, каждый со своим обвинением существующему строю: гениальный художник Александр Иванов, замечательный архитектор Баженов, многие малые герои этой человеческой трагедии, изображенной Форш с беспощадной разоблачительной силой.

Крикнуть на всю Россию — вот чего хотели эти страстные и сильные борцы. Радищев говорит своей жене в решительный час: «...В этот век бесправия общего только одно дело писательское может иметь значение защиты неотъемлемых свободных прав человека. Мужественный писатель, он встанет против губительства и всесилия! Он, как огромный пылающий факел, он сможет раздуть пламя в сердцах. Мой долг, Аннет... долг патриота, гражданина, человека—ударить в набат. И я ударю!»

Пугачев бьет в настоящий набат, и красные зарева стелются по лицу земли, и дворяне-помещики в страхе бегут перед этой неожиданной грозой, которая никогда не изгладится из памяти народной.

И декабристы, стоя на Дворцовой площади, много позже, тоже ударят в набат и тоже крикнут на всю Россию.

И Баженов, подводя итог своей несчастной жизни, говорит: «И сейчас, когда у меня впереди сама смерть, а позади — вместо великих осуществленных зданий одни их проекты, я повторяю перед этим взошедшим солнцем слова, сказанные мною в день закладки Большого Кремлевского дворца: ум мой, сердце мое, знание не пощадят моего покоя, здравия, самой жизни моей ради тебя, моя родина!..»

Родина, счастье ее, свобода ее, сынов — вот основная тема этих исторических романов. И за отдельными фигурами, величественными и трагическими, встает во всей силе народ, народ, который в конце концов победит всех своих палачей и тиранов.

Эту победу чувствует и мир угнетателей, этой силы он боится и только в редких случаях называет ее вслух. Так, Панин, чтобы запугать Екатерину и раскрыть ей действительную опасность положения, говорит на совете по поводу взятия Пугачевым Казани: «...то, что вы почитаете лишь шайкой обыкновенных разбойников, было уже в самом начале восстанием народным».

Это исполненное художественной силы изображение старого времени — исторические романы Ольги Форш, несомненно, принадлежат к явлениям советской культуры, явлениям выдающимся.

Они написаны богатым, изобразительным, гибким, красочным языком. В них страницы, блещущие народным юмором, сменяются страницами точных описаний, отточенных диалогов, глубоких психологических портретов.

Искусство живописи словом в опытных руках Форш заиграло всем богатством красок. Возьмите такие сцены, как сцена объяснения Екатерины с Павлом после смерти его жены Натальи Алексеевны. Как живо, с какой точностью изображена злая, умная, безжалостная Екатерина, дающая сыну, неутешно плачущему о жене, любовные ее письма к его лучшему другу.

И она же, читающая впервые книгу Радищева. «Так велика была сила книги, так стремительна ее безудержная, безрасчетная искренность, что нельзя было хоть на короткий миг ей не подчиниться, не разделить ее вдохновения, говорившего о том, что общее благо превыше блага личного, что должно почитать служение на общую пользу обязательным всякому, кто именует себя — «человек».

Так она читает первый раз. Но она берет читать книгу вторично. «Сейчас читала строго, как надлежало читать только императрице. Уже после тридцати первых страниц Екатерина написала на полях, еле сдерживая подступавший гнев от неслыханной дерзости книги, быстро в ней сменивший невольную первую дань восхищения...»

Потом суд и ссылка—месть Екатерины. Но и Радищев написал: «Потомство отмстит за меня!»

Если Екатерина раскрыта в многочисленных разговорах со своими наперсницами, со своими фаворитами, министрами, иностранцами, то Потемкин изображен со всей широтой этого богатырского, дикого, неистового характера, с воплями, криками, грубым и жадным умом, со звериными страстями и резкими переменами настроения.

Когда иезуитский агент де Муши говорит ему о формах сутан, которые носят члены ордена, Потемкин кричит: «А на кой чорт мне знать, в штанах или в сутане гулять будет иезуитская шайка, коль скоро Пугачев может двинуться на Москву?!»

В этом — весь Потемкин.

Сочный и многоцветный язык романов Форш иногда грешит завитушечностью, переходит в стилизацию, но эти недостатки не могут изменить общего впечатления от этих книг, прошедших испытание временем.

Говоря сегодня, в особый для писательницы день, я не могу не представить себе ее живой облик, великолепный юмор и блеск ее литературных импровизаций, на которые она такой мастер. Сколько я ни знаю ее, я никогда не видел ее отдыхающей, отбросившей книги и рукописи. Я вспоминаю однажды сказанное ею: «После каждой работы только на короткое время я испытываю радостное опустошение, но очень скоро опять прихожу в особого рода беспокойство».

Только в нашей Советской стране, насыщенной особой творческой энергией, мастер большого искусства с годами сохраняет свежесть духа и неиссякаемую творческую энергию.

Ольга Дмитриевна Форш с честью прошла длинный, непростой жизненный путь. Начала она его учительницей рисования в сумерках дореволюционной, царской России, стала участником невиданного социалистического переустройства нашей Родины, одним из зачинателей советской литературы, известным и любимым писателем советского народа.

Ее писательский талант никогда не мог бы получить в старое время такого развития, какое мы видим сейчас. Ее исторические произведения проникнуты духом пламенного советского патриотизма, почему они будут еще долго читаться новыми поколениями, так как большое искусство, их породившее, обеспечило им большую и долгую жизнь.

Много литературных замыслов выполнила Ольга Дмитриевна Форш. Но у нее есть новые замыслы, порожденные ее молодой творческой энергией. И пусть они облекутся в новые книги на радость великому советскому читателю!

ОБСУЖДАЕМ ВОПРОСЫ ПОЭЗИИ

Расслабленным шагом...

Григорий СОЛОВЬЕВ

Последние год-два не без оснований именуются в поэзии «неурожайными». Много за это время напечатано невыразительных, скучных, однообразных стихов. Плохо, разумеется, если молодые, еще не определившиеся авторы выступают с крайне слабыми стихами. Но еще хуже, когда «хорошие и разные» поэты начинают работать не в полную меру сил, когда они становятся в значительной степени ответственными за этот поэтический «недород».

В статьях же о поэзии чувствуется какая-то застенчивая недомолвка, скажем, в отношении последних стихотворных циклов А. Суркова, М. Алигер, нередких выступлений в печати Л. Ошанина, А. Софронова и ряда других известных поэтов, недомолвка, мешающая представить истинную картину поэтических дел. А она такова, что и некоторые популярные поэты напечатали за последнее время много слабых стихов, что ими положен не один тусклый штрих в основу этой общей неблагополучной картины поэзии.

О своеобразии достижений каждого поэта можно было бы написать отдельную статью. Природа же неудач чаще всего такова, что лишает стихи индивидуальных основ, делает стихи удивительно сходными между собой, дает возможность писать о многих поэтах в одной рецензии...

Сила и своеобразие таланта проявляются, как известно, в уменье выразить свежий, интересный замысел живо, красочно, последовательно, иначе говоря, найти для него совершенную форму.

Для органического воплощения замысла необходима творческая активность.

Мне кажется не совсем верным толкование «творческой активности», как чисто количественной меры. Для такого значения более подходящим было бы ну такое, например, определение, как «интенсивность» или что-либо подобное. Активность же в художественном творчестве должна оставаться **качественной** категорией. Во всяком случае в нашей статье она будет иметь лишь один этот смысл.

Начнем с распространеннейшего «зла», когда поэт останавливается на самой первой и общей ступени замысла, не доводя его до какого-то конкретного образа или положения. Это все равно, что попытаться смастерить, скажем, рубаху из льна, прошедшего лишь первичную стадию обработки...

Но вот таким несовершенным способом порою пишутся стихи на очень большие и серьезные темы. К сожалению, в этом повинны не одни только молодые, неопытные авторы.

Л. Ошанин, поэт, заметно выросший в последние годы, написал в 1952 году несколько запомнившихся стихотворений. Особенно тепло, психологически верно стихотворение «Начальник района прощается с нами». Однако поэту нередко еще изменяет чувство требовательности, чувство высокого понимания поэзии. Л. Ошанин поставил перед собой задачу написать стихотворение о партии, о том, как под ее руководством наши люди

От шестнадцатого съезда
К девятнадцатому шли.

Но между этим общим замыслом и воплощением его в стихи автор пропустил важное звено, где, собственно, и начинается творческая работа, где именно и определяется его подход к теме как художника, а не констататора. Автор не занялся поисками конкретного образа или положения, которые бы сцементировали, сделали наглядной и осязаемой общую большую тему. Поэт не проявил в этом стихотворении достаточной творческой активности и предпочел взять перо в руки сразу же после первого и крайне общего ощущения темы. И воздействие его стихотворения оказалось очень ограниченным, создающим лишь настроение, но не оставляющим яркого следа в нашей памяти:

Съезд большого наступленья
В том году со всей страной
Поднял наше поколенье
И поставил властно в строй.

Счастье — это труд и отдых,
Ночь мечтаний, день чудес.
Личный праздник — пуск завода,
Встречный план, открытье ГЭС.
Пусть порою тяжко было
В годы юности моей,
Но печали оттеснила,
Но печали заслонила
Тысяча счастливых дней.

. . . .

Веру в жизнь, и жизнь, и право
На великие дела,
Радость творчества и славу —
Все нам партия дала...

Лучшие образцы художественной литературы, как прозы так и поэзии, памятны и дороги нам не общими рассуждениями, а конкретностью образа, действия. И первые черты этой конкретности обычно оформляются уже в самом замысле. Не происходит же этого, как правило, по двум причинам: либо у автора недостаточно сведений по затронутой теме, не оказывается в памяти живых фактов, с помощью которых можно было бы детализировать общую идею, либо из-за творческой пассивности поэта, поленившегося сделать этот необходимый вторичный шаг в развитии и детализации своего замысла. Но в том и другом случае результат один и тот же — общие, однообразные, незапоминающиеся стихи.

Трудно себе представить, что скажем, поэт А. Софронов настолько не знаком с жизнью и делами Советской Армии, что у него не оказалось в памяти никаких живых, конкретных впечатлений на эту тему. Видимо, он просто скользнул по ее поверхности, не обременяя себя активными поисками, активной работой по созданию образа. И в результате появилось «проходное», не оставляющее в памяти никакого отпечатка стихотворение. Тема его: Советская Армия — страж и защитник Родины. Этими общими данными автор и обошелся в своей работе над стихотворением:

...Чтоб на нашу Отчизну святую
Вражья сила не смела напасть,
Охраняет он землю родную,
Наше счастье — советскую власть!

Все верно в этих четырех строках, но о том, что это стихи, а не фраза из газетной статьи, напоминают только рифмы, стоящие на концах строчек. А ведь во время Отечественной войны у Софронова были удачные стихи о нашей армии, многие из которых охотно перекладывались композиторами на музыку. В лучших текстах Софронова были хорошая песенность, юмор, чувство разговорного языка. Однако и в сборнике «Стихи и песни», и в многочисленных стихах, опубликованных поэтом в периодической прессе, трудно встретить стихотворение последних лет, которое запало бы в душу.

Когда мы начинаем свой день без определенной трудовой цели, то и тянется этот день вяло, длинно, неинтересно... И наоборот, имея перед собой ясную и конкретную задачу, мы почти всегда к концу дня сожалеем: «Как быстро время пролетело!». Но ведь речь идет об одних и тех же восьми часах. А, скажем, в поэзии — об одних и тех же двадцати или тридцати строчках...

У всякого стихотворения должен быть какой-то собирательный фокус, объединяющий все разрозненные поэтические «отсветы». Но сам по себе он не приходит в стихотворение. Его нужно искать, создавать активным поэтическим действием, которому должно служить все — и память, и жизненные наблюдения, и фантазия.

А. Сурков, конечно, понимал истинные цели свиных «чикагских фабрикантов» и мог бы даже раньше даты, указанной под стихотворением (1943), вот так с сарказмом и болью сказать:

Он сердцем чист, доволен и спокоен.
Он прибыли откладывает впрок.
Продукцию чикагских скотобоен
В расчет за нашу кровь он выслал в срок.

Ему полгоря, что в плену поганом
Твоих малюток растерзали псы.
И он с тебя получит чистоганом
За каждый фунт чикагской колбасы.

А в день, когда добудешь ты победу,
Он, расточая сладкие слова,
За славой, как шакал, придет по следу
Израненного в смертной схватке льва.

Но такое стихотворение не было написано раньше, видимо, еще и потому, что не было у автора конкретного факта, который мог бы и дать само начало стиху и послужить основой его дальнейшего смыслового развития. Но вот поэт столкнулся с таким случаем или предположил его на основании других реальных наблюдений:

Из ящиков, расколотых снарядом,
Скатились банки в бурелом ветвей.
Убитый повар смотрит тусклым взглядом
На трафаретку «Мэд ин Ю-Эс-Эй».

И сильное стихотворение с конкретной основой и широким обобщением появилось.

С именем А. Суркова — поэта, занимающего в советской поэзии свое особое, заметное место, поэта со своим лицом—связано у нас немало и других памятных стихов недавнего времени: «Возвысьте голос, честные люди!», «Датская сказка», «Шапка по кругу!». Но немало стихов, опубликованных им в прошлом году в журналах «Знамя» и «Огонек»,—это непростительные издержки работы вполнакала, когда мысли и чувства так и не выводятся из рамок общего пафоса. И поэтому, например, три первых стихотворения из «Знамени» похожи на близнецов с еле уловимыми индивидуальными приметами. Они и создавались по одному и тому же образцу — полемика с очень абстрактным врагом, отвлеченное противопоставление прошлого страны ее настоящему. Но ведь это могло послужить только основой для стихотворения. А поэт вот такими первыми схематическими наметками и ограничился. Представил, как говорится, в общих чертах и «то, что было», и «то, что стало». И в живом, образном, конкретном виде не оказалось ни того, ни другого.

Вот как в первом стихотворении рисуется картина прошлого и образ настоящего, выражается вся конфликтная сущность замысла:

То, что было, исчезло навеки.
То, что стало, мое навсегда.
Сколько силы нашлось в человеке!
Вот он запер плотинами реки,
Над землей протянул провода,
В хмурой области вечного льда
Свет зажег и воздвиг города...

А давно ли избенки кривые,
Как в болоте, тонули во мгле?..

Эти строки выглядят общим вступлением, за которым должен последовать конкретный образ. А в таком виде — это еще энергия, не поступившая в турбины и не овеществленная в каких-то определенных предметах. Таково и второе стихотворение, где основная мысль мало чем отличается от процитированной:

Земля сохранит в назидание детям
Отцовских шагов великаньи следы.
Мы рекам другие дороги наметим
И, мудрым рабочим упорством горды,
В пустынях, о влаге взывающих,
встретим
Студеные струи сибирской воды.

Довольствование этаким тезисным состоянием замысла, без его дальнейшего развития и уточнения — основной недостаток ряда новых стихов А. Суркова. Автор иногда отступает от свойственной ему линии активного творческого искания, и результаты незамедлительно сказываются. Кому-кому, а уж самим поэтам-то известно, что их дело требует постоянного трудового напряжения, постоянной творческой активности.

С недостатками некоторых новых стихов А. Суркова перекликается целый ряд неудач талантливой поэтессы М. Алигер в ее новом поэтическом цикле «Ленинские горы». У нее тоже много стихов, где предварительный авторский замысел не идет дальше определения самого заголовка.

Большинство стихов этого цикла держится не на ясном, цельном и последовательном развитии образа, а на ряде интересных поэтических деталей и похоже на длинный переезд, с трудом поддерживаемый редкими понтонами. Таковы, например, чрезмерно затянутые стихи «Архитектор», «Фундамент» и другие.

В первом стихотворении поэтесса в хороший весенний день выпускает на улицу хорошего человека, наполняя поэзией его первые шаги:

Шел человек большим кольцом Садовых
за городской весною по пятам,
глядел на небо в облаках багровых
и радовался краскам и цветам.

Мир был прекрасен, живописен, ярок,
голубизной и солнцем озарен,
он людям был пожалован в подарок,
и человек был в этот мир влюблен.

Еще несколько шагов, несколько строчек, и человек начнет блуждать — отвлеченно, непоследовательно и длинно рассуждать.

Вся беда в том, что, обращаясь к архитектурной теме, поэтесса не придала своему замыслу архитектурной конкретности, цельности и целеустремленности. Строила свое поэтическое здание — и это и некоторые другие — без рабочего плана. И поэтому стихотворение представляет мозаическую смесь ярких наблюдений и напыщенных, но не богатых смыслом рассуждений. Кончается стихотворение мыслью, которую можно было бы поставить эпиграфом ко всем наименее удачным стихам цикла. Автор говорит: что бы ты ни строил, — дом, книгу или жизнь свою,

...припомни, брат, когда тебе случится
над формой призадуматься порой:
— Здесь людям жить, здесь юношам
учиться
при коммунизме.
Для того и строй!

Не совсем хорошо и убедительно получается, когда человек, обучая других добрым делам, сам не руководствуется этой наукой... Говоря словами поэтессы, ей бы очень и очень не помешало «призадуматься над формой» своих произведений.

Мы уже так привыкли к выражению «единство формы и содержания», что даже больше и не пытаемся подтверждать его на примерах той или иной поэтической практики. А многие стихи М. Алигер как раз и предоставляют нам вот такую наглядную возможность. Они являются примером того, как мысль, не получившая последовательного и активного развития, остается, по существу, бесформенной. Ведь бесполезно же искать какую-либо точную и определенную художественную форму для стихов, подобных «Архитектору» и «Фундаменту», с постоянными смысловыми переходами и перебоями. Форме здесь просто не на чем обосноваться. И она, вместо того, чтобы существовать в произведении в качестве, так сказать, второго начала, придавать ему яркость и осязаемость, становится почти неощутимой, как слабый пульс. Перед читателем остаются лишь одни неорганизованные, беспредметные рассуждения автора, не скрепленные каким-либо единым образом, не ограниченные таким же единым и завершенным действием.

Таково у М. Алигер стихотворение «Фундамент». В нем говорится о том, что истинным фундаментом знаменитой стройки является человеческое уменье. Что ж, мысль хоть и не нова, но верна. Только опять же и она, а следом за ней и сама форма стихотворения не нашли конкретного и ясного поэтического развития. В «котлован», где должен будет встать этот авторский фундамент, столько навалено всякой всячины, что становится уже и непонятно, что здесь делается и для чего все это делается. Получился какой-то коллективный образ:

Надумав за новое дело браться,
собравшись сюда по разным мотивам,
они вступали в новое братство,
они хотели стать коллективом.

Согласно добрых советских традиций,
которые мы, как законы, учим,
надо помочь коллективу родиться,
надо вглядеться в сердца и лица...

Последнюю строчку из цитаты хотелось бы десятикратно подчеркнуть. Если бы автор последовал своему же собственному призыву, можно было бы ожидать иного результата. Это, очевидно, было бы уже не перечисление, а живая картина. Для нее понадобилась, и наверно была бы найдена, более определенная художественная форма.

Примером единства и активного взаимодействия формы и содержания является стихотворение «Начало». Таким оно получилось не стихийно, а в результате предварительной «конструктивной» заботы и работы автора.

Сперва поэтесса дает картину начала работы:

...И вот за огородами, в саду
палатку развернули, шумно стало...
Так начали в сорок восьмом году
строительство.
Но это не начало.
Начало было раньше.

Может, тогда, когда ученый вышел из машины и сказал, что по начертанию вождя здесь будем строить дворец науки? Нет, еще раньше! И автор, этап за этапом, доходит до выступления Ленина на третьем съезде комсомола, где он бросил клич молодежи—учиться! Стихотворение вышло интересным по замыслу, своеобразным и динамичным по форме. Лишь излюбленное многословие автора ослабляет это хорошее стихотворение, его композиционную напряженность.

И поэты, которых мы коснулись в статье, и многие другие признанные авторы за последнее время написали немало стихов. Но эта количественная интенсивность не всегда сопровождалась активной работой над качеством стиха.

С таким положением мириться нельзя. У наших известных поэтов достаточно и опыта и таланта, чтобы более активно, более творчески работать. Иначе недобрый пример, как говорится, заразителен.

И кто его знает, может быть, недостатки ряда менее самостоятельных поэтов проистекают частично и отсюда. Во всяком случае, расслабление шага в первом ряду не может не сказаться хотя бы косвенным образом на движении всей колонны...

Критика же наша, доискиваясь до причин отставания поэзии, предъявляя ей немало серьезных и справедливых требований, упускает одно наиболее важное — о том, что поэт, как и конструктор и архитектор, должен творить — постоянно искать и создавать, чтобы первая высеченная искорка не оставалась тлеющим угольком, а разгоралась в яркое и жаркое пламя.

Да, нужно творить! И не следует бояться этого громкого, но действенного слова.

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

О БОЛЬШИХ ОБИДАХ МАЛЕНЬКИХ ТЕАТРОВ

Во многих городах нашей страны есть театры кукол. Они — продолжатели самого народного вида театрального искусства.

Велика роль кукольного театра в художественном воспитании детей. Идеи пьес, составляющих его репертуар, просты и доступны. К тому же театр кукол обычно сам идет к своему зрителю — в детский сад, в школу и пионерский лагерь. Он забирается в горы, в тундру, путешествует на оленях, на лодках, верблюдах — и всюду кукольников встречают, как самых близких друзей.

Казалось бы, что театры кукол — передвижные коллективы, обслуживающие дошкольников и младших школьников, имеют неоспоримое право пользоваться вниманием и заботой тех учреждений, которые ими ведают. Однако невнимание и равнодушное отношение к ним, к их творчеству просто поразительны. В Омске театр кукол ютится в подвале драматического театра, среди старых декораций. В Иванове кукольники проводят репетиции на... чердаке кинотеатра, где низкий потолок мешает установить ширмы, а из-за фанерной стенки доносится треск киноаппаратов, обслуживающих курсы киномехаников; актеры не слышат друг друга.

В Краснодаре кукольный театр помещается в маленькой комнате вместе с ансамблем кубанских казаков. Единственный детский театр Башкирии — Уфимский театр кукол, где неутомимо и плодотворно в течение 20 лет работает заслуженный деятель искусств Мария Николаевна Елгаштина, создавшая и этот театр и две его выездные бригады — русскую и башкирскую, поставлен в чрезвычайно затруднительные материальные условия. Режиссер Щербаковского кукольного театра З. Н. Демидова никак не может доказать Ярославскому отделу искусств, что кукольный театр — полноправный член театральной семьи.

И даже в таком городе, как наш Ленинград, положение единственного передвижного театра для малышей — Театра сказки резко отличается от положения стационарных ленинградских театров кукол. У него нет хозяина, нет помещения, нет средств для постановок. Театр ютится в одной комнате районного Дома пионеров. Театр завален заказами на спектакли, но подчас не может их выполнить из-за отсутствия транспорта. Работники театра, разъезжая по городу и по области, сами таскают на себе декорации и кукол. Ленинградское управление по делам искусств совершенно игнорирует этот театр.

Кто и где растит кадры кукольников? Никто и нигде. Нет такого отделения при каком-либо театральном институте, такой школы при каком-либо из кукольных театров, где бы готовились актеры, режиссеры, художники для театров кукол, имеющих свои специфические особенности, требующих высокого мастерства. А нашим кукольникам есть у кого учиться — взять хотя бы театр кукол под руководством Сергея Образцова и его превосходный коллектив, известный далеко за пределами нашей Родины.

Надо сказать, что единственная попытка наладить профессиональную учебу кукольников была сделана именно этим театром. При нем еще до войны были организованы заочные курсы режиссеров и художников кукольного театра. Работа эта возобновилась в 1945 году, но в 1947 году курсы закрылись. Никто ничего не сделал, чтобы поддержать это ценнейшее начинание, очевидно, решив, что кукольные театры в квалифицированных кадрах не нуждаются.

Ни Управление театров, ни Комиссия по драматургии Союза советских писателей не думают о репертуаре для театров кукол, хотя в числе задач, стоящих перед драматургией, несомненно, требует решения и задача развития, обогащения этого своеобразного жанра.

За последние десять лет ни разу не был организован широкий отчет кукольных театров перед советской общественностью. Даже прошедший в этом году смотр детских театров не коснулся кукольников.

Необходимо создать театрам кукол нормальные условия для творческого роста, укрепить их кадрами и внимательно следить за их работой.

Н. ГЕРНЕТ,
Р. РАЙТ-КОВАЛЕВА

ЛЕНИНГРАД

„ОРЛИНЫЕ ПЕРЬЯ“

Анатоль ГИДАШ

Ни одна эпоха в историческом прошлом Венгрии не создала такой могучей, вольнолюбивой народной поэзии и такой чудесно-полнокровной народной музыки, как эпоха национально-освободительной войны, возглавленной Ференцем Ракоци, так называемая эпоха куруцев. На стяге Ракоци был начертан девиз: «За родину, за свободу!», и под этим стягом сплотились в общей борьбе все народы, проживавшие на территории Венгрии,— и венгры, и словаки, и украинцы, и румыны.

Героический период венгерской борьбы за свободу оставил блестящие памятники народного творчества. Спустя столетия еще продолжали звучать по всей стране вольнолюбивые песни и марши куруцев, символизировавшие для венгров их неугасимое стремление к свободе, к избавлению от помещичьего гнета, от иноземных захватчиков.

Героя знаменитой куруцской песни, бесстрашного батрака, умного и храброго Палко Чинома, избрал героем для своей музыкальной комедии современный венгерский композитор, лауреат премии имени Кошута Ференц Фаркаш.

За восемь лет существования новой свободной Венгрии в ее культурной жизни произошли грандиозные перемены. Под руководством Венгерской партии трудящихся, используя богатый опыт великого Советского Союза, венгерская культура устремилась по новому пути. От космополитизма, декаданса и формализма, пустившего глубокие корни среди части художников Венгрии во времена фашистской диктатуры Хорти, венгерская литература и искусство повернули к народности, к борьбе за социалистический реализм.

Одним из многообразных свидетельств этого благотворного процесса, совершающегося в культурной жизни Венгрии, явилась и музыкальная комедия Ференца Фаркаша «Палко Чином», поставленная в нынешнем сезоне Московским театром оперетты под названием «Орлиные перья».

С того момента, как раздвигается занавес, зрителя властно покоряют мелодии венгерских народных песен, то боевые, жизнерадостные, то грустно-лирические. Эти разнообразные мелодии, богатые ритмы песен и плясок проходят через все произведение Фаркаша, придают ему народно-национальную окраску.

Музыкально особенно хороши хоры куруцев и массовая сцена на деревенской площади перед церковью, где явственно ощущается бурное нарастание народного сопротивления, чувствуется, как народ становится борцом за свою свободу.

Литературное либретто музыкальной комедии значительно переработано главным режиссером театра И. Тумановым совместно с драматургами В. Винниковым и Е. Шатуновским. Авторы новой редакции поставили задачей показать советскому зрителю героизм венгерского повстанческого движения, изобразить Палко Чинома смелым крестьянским вождем, человеком умным, отважным, умеющим сплотить народ в борьбе против австрийских угнетателей. Эта задача выполнена. Либретто написано живо, спектакль от начала до конца смотрится с интересом.

Образ Палко Чинома романтическими красками рисует артист Н. Рубан. Хорошо показывает он присущие своему герою благородные черты бесстрашного воина и хитрость осторожного конспиратора.

Илонку, смелую, непреклонную патриотку своей родины, с подъемом играют С. Вермель и И. Кудрявцева. К сожалению, для этой роли композитор не написал достаточно выразительных лирических арий, которые могли бы передать всю глубину чувств влюбленной девушки. Значительно интереснее, глубже дана музыкальная характеристика Маришки, невесты Янко Чинома. Образ этой крестьянской девушки, преданной всем сердцем своему народу и своему любимому, раскрывается в ряде песен и арий, задушевно исполненных артисткой З. Белой.

Для роли тупого и трусливого австрийского барона Бретценгейма артист С. Аникеев нашел много комедийных черт и сумел создать острый гротескный образ. Однако, благодаря обилию элементов буффонады, зритель только смеется над бароном, не испытывая ненависти к этому врагу венгерского народа. Между тем австрийские захватчики, веками угнетавшие венгров, были жестоки, коварны, злобны, поэтому и артист и авторы либретто должны придать образу барона Бретценгейма более острые сатирические черты, которые отличали бы его от традиционных тупых графов, действующих едва ли не в каждой из венских оперетт. Это больше соответствовало бы общему замыслу пьесы. Надо сказать, что сцена, в которой барон Бретценгейм распознает за личиной смиренного уличного торговца грозного и отважного Палко Чинома, проведена артистом мастерски — в ней появляются истинные черты коварного и жестокого солдафона австрийской армии, и жаль, что сцена эта не подготовлена всем предыдущим развитием роли. Блестяще исполняет роль стареющей красавицы, циничной, распутной графини Сирман — арт. Регина Лазарева.

Нельзя не отметить и исполнителей других персонажей пьесы: графа Сирман (Ю. Хмельницкий), его домашнего палача Жигмонта (С. Пущевой) и Розалии (Д. Сокольская). Привлекательны образы куруцев: Янко Чинома (А. Пиневич) и Шандора (С. Хмельницкий).

Неизменными аплодисментами встречают зрители массовые танцы, отлично поставленные Г. Шаховской. Танцы эти хороши не только четкостью хореографического рисунка и национальным венгерским характером; присущий им острый ритм, смелость движений, яркий темперамент органически связывают их с общей идеей пьесы. Это особенно относится к исполнителям мужской балетной группы и к превосходному исполнению чардаша З. Пашковой.

Молодой режиссер Г. Вардзиели выразительно раскрыл главную мысль спектакля. Живописность венгерской природы, разнообразие и прелесть национальных костюмов выразительно переданы художником М. Варпех. Чувствуется, что и художник и режиссер уделили немало времени изучению эпохи Ракоци, быта и национальной одежды венгерского народа. Музыкальный руководитель и дирижер спектакля Г. Фукс-Мартин на основании столь же тщательного изучения венгерской народной музыки удачно ввел в спектакль новые танцевальные сцены. Особенно выделяются его работы во втором, лучшем акте спектакля.

Из частных недостатков спектакля нам хотелось бы отметить следующее: неверно говорить по-русски «Чином Палко» вместо «Палко Чином». Русский зритель неизбежно подумает, что Чином—это имя героя, а Палко — его фамилия. Следует придерживаться уже установившейся правильной традиции при написании венгерских имен. Кое-где нарушено совпадение ритма музыки со свойственными русскому языку ударениями и в отдельных словах.

Автор этих строк смотрел постановку «Орлиных перьев» в Московском театре оперетты дважды. Один из спектаклей был сыгран для солдат Советской Армии. Советские воины рукоплескали победе Палко Чинома и его соратников в мужественной освободительной борьбе братского народа Венгрии. В этих рукоплесканиях еще раз нашла выражение скрепленная навек дружба двух миролюбивых свободных народов.

ФЕЛЬЕТОН

Примечания к примечаниям

В 1486 году португальский мореплаватель Варфоломей Диас открыл южную оконечность Африки. Он назвал **ее мысом** Бурь.

В 1487 году Диас прибыл в Лиссабон. Португальский король Иоанн II не утвердил названия и заочно переименовал мыс Бурь в мыс Доброй Надежды.

В 1943 году современный поэт в стихотворении «Матвеев курган» написал следующее:

Индийского моря лазурь,
Плывущие в рифах медузы,
Мыс Доброй Надежды, мыс Бурь,
Холодный пролив Лаперуза.

Как явствует из вышеизложенного, автору стихов К. Симонову следовало после «Доброй Надежды» поставить не запятую, а тире.

В 1951 году в Детгизе был издан сборник, содержавший среди прочих и это стихотворение. Когда тов. К. Н. Лаврова, чьему перу принадлежат примечания, принялась за составление оных, она не нашла в географических справочниках мыса Бурь. И вот из-под пера комментатора вылились следующие неожиданные строки:

«Мыс Бурь находится на реке Миусе, между Ростовом и Таганрогом; место долгих и кровопролитных боев».

Так было сделано еще одно открытие, вскоре обнародованное тиражом в 50 тысяч экземпляров.

Казалось бы, **нам** остается произнести боевой клич опытных мастеров юмора «Комментарии излишни», поставить затем знак восклицания и на том закончить. Однако курьезный случай этот, к сожалению, далеко не единичен.

В 1953 году Гослитиздат тиражом в 150 тысяч выпустил третий том собрания сочинений И. А. Гончарова. В этом томе (редактор М. Я. Бличевская) помещены составленные А. Г. Цейтлиным примечания к путевым очеркам «Фрегат «Паллада». На первой же странице читаем: «Воспитатель Гончарова **Н. Н. Трегубов**, бывший моряк, много рассказывал **мальчику** о морских путешествиях, знакомил его с физической географией, навигацией и астрономией (см. его воспоминания «На родине» — т. 7 наст. изд.)». Чьи это—«его воспоминания»? Мальчика? Странная вещь! Трегубова? Непонятная вещь! Такое примечание требует еще, по крайней мере, двух:

1. В том VII сочинений Гончарова входят воспоминания, конечно, не Трегубова, а Гончарова, то есть, все-таки «мальчика».

2. Строки *«...издатель существует; но он должен 1) знать грамматику русскую, 2) писать со смыслом: т. е. согласовать существительное с прилагательным и связывать их глаголом»*, напечатаны в одной из книг, выпущенных Гослитиздатом. Принадлежат они А. С. Пушкину и написаны, повидимому, в 1826 году. Кого именно имел в виду Пушкин — комментатора тов. Цейтлина или редактора тов. Блинчевскую, — нам установить не удалось.

Большой простор для толкований дает и следующее примечание А. Г. Цейтлина:

«Стр. 267. **Горсбург Джемс** (1841—1843) — автор лоции (руководства по плаванию) морей Индийского океана».

Выходит, что несчастный Джемс Горсбург скончался всего двух лет от роду, а дни его младенчества были заполнены созиданием кропотливого ученого труда. Думается, что это все же не так. И действительно, 1841—1843 гг. — это не годы жизни Горсбурга, а годы издания его двухтомной лоции, да притом пятого, посмертного издания. Таковы сведения, почерпнутые нами из примечаний к «Фрегату «Паллада», изданному Географгизом в 1949 году. Очевидно, что примечание это списано А. Г. Цейтлиным из издания Географгиза и доведено до бессмыслицы в процессе списывания.

Далее А. Г. Цейтлин вполне самостоятельно разъясняет:

«**Оссиан** — легендарный скандинавский певец (герой баллад, написанных в XVIII веке английским писателем Макферсоном)».

Здесь сразу две ошибки: во-первых, Оссиан — певец не скандинавский, а шотландский, даже, точнее,— древнекельтский. Во-вторых, он не герой баллад, а выдуманный Макферсоном мнимый автор баллад.

Попутно А. Г. Цейтлин превратил Нагасакский залив в Нагасакский пролив и даже фрегат «Палладу» в крейсер «Палладу». Нелегко, оказывается, запомнить название книги, к которой пишешь примечания! Иные примечания ошибок не содержат, но и пользы в себе не заключают. Относительно строчки «Ночной зефир струит эфир» сообщается, что она — из стихотворения А. С. Пушкина «Ночной зефир». По поводу подобных разъяснений в свое время А. С. Пушкин иронически заметил:

«Точно так — сие справедливое изъяснение делает честь догадливости автора...»

И. А. Гончаров, справедливо предполагая у своих читателей желание подробней ознакомиться с описываемыми им странами, чуть не в каждой главе ссылался на, выражаясь нынешним слогом, «дополнительную литературу», рекомендуя книги Кемпфера и Бельчера, Горсбурга и Нопича. А. Г. Цейтлин, по установившемуся среди комментаторов обычаю, усердно (но, как мы видели, не так уж точно) сообщает года рождения и смерти всех или почти всех названных авторов и на том считает свою миссию выполненной.

Принесут ли, однако, эти сведения какую-либо пользу? Надо ли разыскивать старинное немецкое издание Кемпфера или Нопича, нет ли чего-нибудь поновее? Всегда ли обязательно заполнять страницы комментариев «годами рожденья и смерти,-и ворохом скверных цитат»? Причем цитаты зачастую приводятся некстати, к делу не идут.

Куда полезней было бы вместо подобных формально составляемых примечаний раскрывать намеки и иносказания автора, отмечать и допущенные им фактические неточности, наконец, указывать новейшую литературу.

Конечно, составление такого рода примечаний — большой труд, подлинно научная работа. Очевидно, именно потому Гослитиздат поручил составление примечаний не кому-нибудь, а А. Г. Цейтлину, доктору филологических наук. Но доктор наук скрепил своим ученым именем работу весьма небрежную. Нелегко теперь догадаться читателю, что упоминаемый во «Фрегате «Паллада» Пхын-сян — это Пхеньян, что река Тамань или Тайманьга — ни то, ни другое, а Туманган, что фаустрехт — это кулачное право, право сильного, что когда Гончаров пишет «dahin, dahin», им не просто овладело желание вдруг сказать по-немецки два слова (туда, туда), а это начало крылатой фразы из стихотворения Гёте «Ты знаешь край, где апельсины зреют», фразы, ставшей как бы лозунгом путешественников. К словам «morgen, morgen, nur nicht heute» дается сноска: «Завтра, завтра, не сегодня». Следовало бы пояснить, что это немецкая поговорка, и уж, кстати, привести ее полностью, не краснея и не стесняясь того, что полностью она гласит: «Завтра, завтра, не сегодня — так лентяи говорят»...

Многого не сделал А. Г. Цейтлин, и не можем мы отнести к его работе высокие слова, сказанные Пушкиным о трудах Н. М. Карамзина:

«Примечания к Русской истории свидетельствуют обширную ученость Карамзина, приобретенную им уже в тех летах, когда для обыкновенных людей круг образования и познаний давно заключен и хлопоты по службе заменяют усилия к просвещению».

Если бы издательства всегда внимательно относились к работе комментаторов, не считали бы эту работу чем-то вроде премиального фонда за «хлопоты по службе», тогда иные, ныне благополучно процветающие комментаторы, наверно, давно возопили бы словами семинариста Кутейкина из комедии Фонвизина «Недоросль»:

«...убоясь бездны премудрости, просим от нее об увольнении».

Александр ЛАЦИС

ВОСЕМНАДЦАТЫЙ КРИЗИС

Во Франции в восемнадцатый раз после войны разразился правительственный кризис. Пал кабинет Рене Мейера.

Формально правительство Мейера, просуществовавшее немногим больше четырех месяцев, ушло в отставку вследствие отклонения Национальным собранием одной из статей финансового законопроекта, внесенного правительством. Однако французские газеты в один голос признают, что дело даже не в финансовом законопроекте. Главная причина падения правительства заключается в разногласиях по внешнеполитическим вопросам.

Жорж Гаро в «Пари-пресс — Энтрансижан», отмечая, что разногласия между партиями правительственного «большинства» являются лишь «ссорой на словах», пишет: «Неверно, что нельзя достигнуть соглашения о финансовой программе. Экономии и неограниченных полномочий требуют все кандидаты на пост председателя совета министров. Но трудно достигнуть согласия по внешней политике».

Действительно, правительство Мейера выступало в качестве ревностного приверженца так называемой атлантической политики, продолжая курс своих предшественников. Оно сделало войну в Индо-Китае стержнем своего внешнеполитического курса. Правительство Мейера внесло в Национальное собрание законопроект о ратификации договора о «европейской армии», под флагом которой на восточной границе Франции возрождается германский милитаризм. Подобная политика наталкивается на все усиливающееся сопротивление французского народа. С этим фактом не могут не считаться многие представители буржуазных правящих кругов. Достаточно напомнить о том, что не так давно комиссия Национального собрания по иностранным делам приняла решение отложить обсуждение вопроса о ратификации договора о «европейской армии». В то же время она официально высказалась за созыв совещания четырех держав для разрешения международных проблем мирным путем.

В страхе перед растущим демократическим движением народных масс, поднимающихся на защиту независимости родины и дела мира, французские правящие круги пытаются использовать нынешний правительственный кризис для консолидации всех реакционных сил в стране. Не случайно буржуазная печать столь подробно обсуждает попытки создания в Национальном собрании «широкого большинства», от деголлевцев до правых социалистов.

Французская реакция и ее заокеанские покровители мечтают о создании правительства «национального единения» на манер правительств Пуанкаре 1926 года и Думерга 1934 года. Об этом достаточно откровенно заявила 21 мая архиреакционная газета «Орор — Се матен — Ле пеи».

Французский народ, однако, хорошо помнит, что именно Пуанкаре, прикрываясь демагогическими фразами об «оздоровлении» франка, снизил налоги на крупных капиталистов и опустошил карманы трудящихся. Французский народ помнит и о том, что именно правительство Думерга поощряло деятельность фашистских организаций во Франции.

Чем сильнее интригуют лидеры буржуазных партий, тем сплоченнее выступают народные массы Франции за мир, независимость и демократические права.

А. СЕМЕНОВ

РИМСКИЕ ЛЖЕЦЫ

Недавно в Риме с шумом и треском, под звуки газетных и журнальных фанфар, открылась выставка под интригующим названием «По ту сторону». Цель организаторов этой «выставки» состояла в том, чтобы, не считаясь с общеизвестными фактами, при помощи самой бесстыдной фальсификации оболгать жизнь людей в Советском Союзе и в странах народной демократии.

Отнюдь не случайно эта выставка открылась именно теперь. Демохристианские воротилы, протащившие недавно жульнический антидемократический избирательный закон, чувствуют себя, тем не менее, очень неуверенно и, опасаясь исхода предстоящих выборов в парламент, проявляют все бо́льшую нервозность. Отсюда — усиление репрессий, лживая пропаганда, клевета, одним словом, все приемы перепуганной насмерть реакции, стремящейся посеять среди людей чувство злобы, ненависти и недоверия. Дезориентировать избирателя, одурачить его любой ценой — для достижения этой малопочтенной цели все средства хороши!

И вот организация «Католическое действие», по праву именуемая «пехотой Ватикана», засучив рукава, принимается за дело. Скажем прямо — неприглядное это «дело»! Именно «Католическое действие» и явилось организатором «выставки». Режиссеры из «Гран Гиньоля», парижского театра, прославившегося в свое время демонстрацией кошмарных сцен, порожденных больным воображением, могли бы, несомненно, многое позаимствовать у демохристианских фальсификаторов. «Картина жуткая, как этого требует сущность аргумента: широко применяются залитые кровью стены, колючая проволока и цепи», — в таких выражениях римская реакционная газета «Мессаджеро» описывает «выставку».

Но весь этот арсенал «ужасов» — эдакая досада! — не внушает посетителям ни малейшего доверия.

В классической детской книге английского писателя Льюиса Кэролла «Алиса в Зазеркалье» (автора «Алисы в стране чудес»), — книге, пользующейся широкой известностью среди юных читателей всего мира, происходит такой разговор:

«Я не могу этому поверить», — сказала Алиса Белой Королеве.

«Не можешь? — спросила Королева с жалостью в голосе. — А ну-ка, попробуй еще разок: вдохни поглубже и закрой глаза».

Алиса рассмеялась. «Не к чему даже и пробовать, — сказала она, — в небылицу поверить просто невозможно».

«А я тебе скажу, что у тебя не было достаточной практики, — заявила Королева. — В твоем возрасте я регулярно практиковалась по полчаса в день. И что же — иногда мне удавалось поверить в целых шесть небылиц до завтрака».

Надо полагать, что Белой Королеве не приходилось иметь дело с небылицами, изготовляемыми на демохристианской пропагандистской кухне. Здесь ей не помогла бы никакая ежедневная тренировка. Слишком уж грубо шита белыми нитками черная антисоветская пропаганда, изготовленная

На этом фото мы репродуцируем обложки пяти книг, изданных за последние годы в Советском Союзе. Это — «Дон Кихот» Сервантеса, «Записки о Шерлок Холмсе» Конан-Дойля, «Приключения Мюнхаузена» Э. Распе, «Стихи» Сибиллы Алерамо и «Сказки» братьев Гримм.

Все эти книги хорошо знакомы нашим читателям.

Это — фотодокумент, лишний раз изобличающий окончательно завравшихся клеветников из организации «Католическое действие» и редакции газеты «Мессаджеро».

по заокеанским рецептам и образцам. Цели, которые она преследует, не оставляют ни малейших сомнений. Восторженная статья о затее фальсификаторов, опубликованная в газете «Мессаджеро», пестрит упоминаниями о предстоящих парламентских выборах и заканчивается откровенной фразой: «Каждый гражданин все еще имеет оружие в руках: голос 7 июня».*

Советская печать уже рассказывала о «выставке» и разоблачила инициаторов этого очередного акта злобной антисоветской кампании.

Любой из экспонатов «выставки» отмечен клеймом грубой фальшивки. Обратимся, например, к «документам», касающимся литературы.

На «выставке» экспонируются обширные списки книг, якобы «запрещенных русской цензурой».

По поводу этого «запрета» «Мессаджеро» дает весьма «авторитетную» справку: «Не повиноваться — значит предстать перед политическим трибуналом: чтение запрещенной книги грозит заключением в лагере принудительного труда».

Итальянский реакционный журнал «Эпока» уточняет: «Тот, кто читает или хранит у себя одну из этих книг, подлежит тюремному заключению сроком от 5 до 15 лет».

Что же это за книги, грозящие такими «напастями» и «бедами» советским гражданам?

Во-первых, — страшно сказать! — «Сказки» братьев Гримм. Организаторов «выставки», видимо, ничуть не смущает то «несущественное» обстоятельство, что «запрещенные» сказки изданы в Советском

* 7 июня — день предстоящих выборов в Италии.

Союзе общим тиражом в 8.262 тысячи экземпляров на 40 языках, в том числе на адыгейском, бурятском и дунганском, т. е. языках народностей, не имевших до революции своей письменности. Издавались они неоднократно и на языке оригинала.

Во-вторых, это «Дон Кихот» Сервантеса. Если верить господам из «Католического действия», мрачное сырое подземелье ожидает в нашей стране каждого, кто осмелится хранить у себя эту книгу.

Дадим же небольшую справку.

В период с 1917 по 1953 год «Дон Кихот» выдержал в Советском Союзе 47 изданий и вышел общим тиражом в 811 тысяч экземпляров на русском, украинском, белорусском, армянском, азербайджанском, грузинском, туркменском, литовском, эстонском, татарском и других языках.

Ах как трудно увязать этот факт с грубо состряпанным «образом» советского гражданина, который, забившись в темный угол и пугливо озираясь по сторонам, читает из-под полы Сервантеса!

Затем в зловещих «списках» фигурируют книги Конан-Дойля.. Что ж, не надо быть Шерлоком Холмсом, чтобы установить, как широко известны советскому читателю произведения этого английского писателя. Они изданы в нашей стране общим тиражом в 926 тысяч экземпляров на пяти языках, в том числе и на английском.

Далее упоминается Альфонс Додэ. Что можно сказать по этому поводу? Его книга «Тартарен из Тараскона» издана в нашей стране тиражом «всего-навсего» в 693 тысячи экземпляров на семи языках, в том числе и на французском.

Попал в «запрещенный список» и старый итальянский писатель Эдмондо де Амичис. Общий тираж его произведений в Советском Союзе достигает 285 тысяч экземпляров.

Здесь же и итальянская поэтесса Сибилла Алерамо. Не далее как в прошлом году ее стихи вышли отдельной книгой в Государственном издательстве иностранной литературы.

Тут и... «Приключения барона Мюнхаузена», чтение которых гарантирует вам «тюремное заключение сроком от пяти до пятнадцати лет».

Бедный барон Мюнхаузен! Придется ему, видно, уступить пальму первенства современным вралям из христианско-демократической партии. Они лгут наглее и грубее. Но мы позволим себе напомнить им старую итальянскую пословицу: «Si conosce più presto un bugiardo che uno zoppo» — «Лжеца распознать еще легче, чем хромого».

Уличить их, как мы видим, нетрудно!

Надо ли продолжать этот список? Стоит ли напоминать этим распоясавшимся брехунам о том, какими большими тиражами выходят в нашей стране книги великих итальянских классиков — Данте Алигьери, Джованни Боккаччо, Карло Гоцци, Карло Гольдони, Лодовико Ариосто, Торквато Тассо и многих других?

Но вот на родине устроителей «выставки» дело обстоит иначе. Как сообщает испанский журнал «Мундо», недавно в Италии вышла брошюра, озаглавленная «Трагедия книги в Италии». В этой брошюре приводится список книг, которые чаще всего можно встретить в средней итальянской семье. Это — короткий список, и он производит гнетущее впечатление. Несколько детективных романов, несколько учебников, руководство по игре в карты, поваренная книга, телефонная книга, железнодорожный справочник — вот, в основном, и все...

Если где и запрещают книги, так это не в Советском Союзе! И это прекрасно известно римским фальсификаторам. Чтобы не быть голословными, приведем один красноречивый пример. Всего лишь год тому назад министерство народного образования в Италии **запретило** «Антологию для средних школ» профессора Наталино Сапеньо. По какой же причине? «Антология», видите ли, содержала «опаснейший» материал — басни Крылова и Лафонтена! А кто настаивал на этом запрете? Не кто иной, как оголтелые «охотники за ведьмами» из «Католического действия», того самого «Католического действия», которое вопит сейчас не своим голосом о несуществующих «запретах» на книги в Советском Союзе и странах народной демократии!

Есть в штате Висконсин в США небольшой городок Бэрлингтон. Город этот примечателен тем, что там находится единственный в мире «Клуб лжецов». Члены «клуба» — шалопаи и бездельники — собираются там специально для того, чтобы «переврать» друг друга. А тот, кто соврет хлеще всех, избирается в конце года в «чемпионы мира по брехне». «Чемпион» 1953 года пока еще не избран.

Кто не согласится с тем, что организаторы римской выставки «По ту сторону» — достойнейшие кандидаты на это «почетное звание»?

ДВА ЧЕМПИОНАТА

В Москве

Дата 24 мая в спортивном календаре 1953 года — в некотором роде знаменательная. В этот день закончился X чемпионат Европы по боксу и начался VIII чемпионат Европы по баскетболу. Центр внимания многочисленных любителей спорта во всем мире переместился из варшавского спортивного зала «Гвардия» на поле московского стадиона «Динамо».

Москвичи, как всегда, тепло, по-дружески встретили гостей, как всегда, были предельно объективны в оценке игры той или иной команды.

...На площадку первыми вышли команды Италии и Румынии. Поначалу казалось, что силы команд равны. Но постепенно обнаруживается слабое место румынских баскетболистов: неумение попадать в кольцо со штрафных бросков. Только в первой половине игры они восемнадцать раз упускали такую благоприятную возможность увеличить счет. Их соперники играли более точно и тактически разнообразнее. После окончания встречи под звуки национального гимна на мачте в знак победы был поднят флаг Италии.

В живой и острой игре команда Израиля выиграла у баскетболистов Финляндии, команда Германии — у шведов. Команда Чехословакии с преимуществом в 61 очко одержала победу над швейцарцами; команда Венгрии с перевесом в 65 очков обыграла датчан; команда Болгарии на 43 очка опередила ливанцев.

Встреченные горячими аплодисментами, выходят на площадку русский Анатолий Конев, грузин Отари Коркия, литовец Степас Бутаутас, латыш Гунар Силиньш, эстонец Ильмар Куллам — первая пятерка сборной команды Советского Союза. Сегодня их противники бельгийцы — быстрые и техничные баскетболисты.

Уже через 38 секунд после начального свистка Куллам забрасывает мяч в сетку бельгийцев. Через семь с половиной минут счет уже 11 : 4 в пользу советской команды. «Сила, бросок!» — слышится возглас Коркия. Силой товарищи по команде шутливо-дружески называют Гунара Силиньша. Он и в самом деле — большая сила нашей команды. Со счетом 59 : 31 выиграли советские баскетболисты у бельгийцев и 21 очко из них принес своей команде Силиньш. В упрек ему, как впрочем и всем игрокам первой пятерки, можно поставить лишь неточность при выполнении штрафных бросков.

На следующий день состязания продолжались. Пожалуй, никогда еще стадиону «Динамо» не приходилось так рано принимать зрителей. В 9 часов утра на площадку вышли команды Болгарии и Израиля. Встреча закончилась победой команды Израиля со счетом 61 : 48. Команда Франции победила команду Германии — 76 : 44, итальянцы выиграли у швейцарцев — 82 : 32, команда Югославии у команды Финляндии — 41 : 37, чехословаки со счетом 49 : 31 обыграли румын. Вступила в борьбу и команда Египта, прибывшая в Москву только в воскресенье. Свою первую встречу египтяне провели с командой Швеции и победили — 75:26. Второе поражение потерпела команда Бельгии, проигравшая со счетом 35:57 команде Венгрии. Советские баскетболисты со счетом 118:14 победили датчан.

Борьба только разгорается. Она продлится до 4 июня.

В Варшаве

Прозвучал последний удар гонга, на судейских столиках зажглись красные лампочки, и новый чемпион Европы по боксу в тяжелом весе советский спортсмен Альгердас Шоцикас поднялся на пьедестал почета. Так в минувшее воскресенье завершилась в Варшаве семидневная борьба сильнейших боксеров Европы.

Борьба эта заслуженно принесла победу представителям Польши, завоевавшим пять золотых медалей и первое место в командном зачете. Никогда прежде, до установления в Польше народно-демократического строя, польские спортсмены не добивались такого успеха в крупных международных состязаниях. Этот успех — яркое свидетельство расцвета спорта в Польской Народной Республике.

Команда советских боксеров заняла в командном зачете второе место. Звания чемпиона, кроме Шоцикаса, добился лишь ереванский студент Владимир Енгибарян (легкий вес). Еще три советских боксера награждены серебряными медалями.

Каждому, разумеется, понятно, что в состязаниях по любому виду спорта ни одному самому признанному чемпиону нельзя гарантировать победу, что у каждого спортсмена бывают срывы, неудачи. Чемпионат в Варшаве говорит, однако, о том, что класс советского бокса в целом растет медленно. Наши тренеры не сделали, видимо, нужных выводов из итогов XV олимпийских игр, где, как известно, советские боксеры выступали неудачно. Очевидно, и морально-волевая закалка некоторых наших боксеров оказалась не на должной высоте. Например, А. Булаков, боксер, обладающий высокой техникой и сильным нокаутирующим ударом, как сообщалось в печати, вел себя на ринге слишком осторожно, недостаточно решительно атаковал противника.

У нас есть неплохой резерв молодых боксеров. В розыгрыше первенства СССР нынешнего года, проведенного в Москве по пяти весовым категориям, почти половина участников была моложе 23 лет. Пример Енгибаряна, который начал заниматься боксом, будучи пятнадцатилетним подростком, а в 21 год стал чемпионом Европы, показывает, что у нас есть все возможности растить боксеров, способных стать сильнейшими не только в Европе, но и во всем мире.

И. Б.

Песни парижских улиц

Жан-Пьер ШАБРОЛЬ,
французский художник

На тротуарах улицы Лепик торговки овощами расставили батареи ручных тележек

У КАЖДОЙ парижской улицы свои песни. Это песни, выражающие печаль и надежды, песни, скрашивающие неприглядную жизнь, песни, воспевающие любовь и борьбу.

Вот песни улицы Лепик. Зажатая шпалерами тесно прижавшихся друг к другу лавчонок, улица Лепик круто поднимается к Монмартру. На ее тротуарах торговки овощами расставили батареи ручных тележек. Все утро толпа заполняет мостовую. Машины, идущие в направлении Бютта, принуждены ползти, как черепахи, и шоферы такси ворчат и скучают за баранкой. Сам воздух, кажется, дрожит от выкриков торговцев, от нестройного хора голосов, от визга ребятишек, путающихся в ногах у взрослых.

Маленькая сморщенная старушка в поношенном пальтишке, которое держится на плечах только благодаря иголке и чудесам штопки, робко входит в мясную. Когда очередь доходит до нее, она тихонько произносит: «Пожалуйста, дайте мне на 50 франков ливера». И, словно извиняясь за свою просьбу, поспешно добавляет: «Это я для кота». Мясник быстро и точно отвешивает ливер. Старушка нервно роется в сумочке. Ведь она еще дома приготовила 50 франков, а сейчас недосчитывается десятки. Так оно и есть. Нашлась. Монета завалилась за рваную подкладку. Старушка смущенно протягивает деньги мяснику, который глядит на нее: он-то знает, что ливер предназначен отнюдь не для кота.

У улицы Лепик есть своя песня. Кто из парижан не знает ее, кто не напевал или не насвистывал ее, направляясь к Монмартру:

Есть девушка хорошая!
Как летний день мила,
гуляет в старых туфельках,
свободна, весела.
И улица гордится,
вся солнцем залита,
что здесь могла родиться
такая красота!
На улице Лепик!

Сотни песен сложены о нашей милой Сене, они порхают над набережными, над островом Сен-Луи, над пробивающейся свежей зеленью.

Симону Рамбо, продавщицу универмага Самаритен, всего в трех шагах от магазина ждет ее милый, Жанно Лартиг, телеграфист. Они встречаются у моста искусств. Они тихонько целуются как раз напротив французской академии, за которой лежит Латинский квартал. Они идут, обнявшись, смотря в глаза друг другу, потом переводят взгляд на воды Сены. Они давно решили пожениться, они уже давно могли бы стать мужем и женой, но у них нет ни денег в кармане, ни крова над головой. Они бродят по улицам Парижа в надежде найти хоть какую-нибудь комнатушку, пусть самую, самую скромную.

И вот влюбленные бродят по улицам, они обнимаются прямо на улице, и пусть знают все те, кто склонен видеть в этом дурное, те, кто живет в светлых квартирах, что целуются наши влюбленные публично вовсе не для того, чтобы шокировать прохожих, а потому, что им негде целоваться. И они бродят по парижским улицам, где на сером камне стен тут и там виднеются объявления: «Продаются квартиры — миллион франков».

Симона зарабатывает в месяц 24 тысячи франков, и на руках у нее больная мать. Жанно зарабатывает 25 тысяч франков, и у него на руках младшие братья. Столько у Сены песен для тех, кто любит постоять на ее берегах.

Нет силы терпеть,
Нет силы терпеть!
И тот, кто сломлен нуждой,
В воду с моста,
В воду с моста
Бросается вниз головой.
О, бедная Сена! О, бедная Сена!
Хотелось тебе бы и нам,
Чтоб только суда
Несла бы вода
К далеким морским волнам.

Есть свои песни и у Елисейских полей, просторных, сверкающих и комфортабельных, как шикарные автомобили. Человек, попавший на этот широкий проспект из рабочего квартала, чувствует себя неловко, словно вошел он непрошенно в богатую гостиную, и все ему кажется, что на пушистом ковре остаются отпечатки его ботинок, покрывшихся во время работы грязью.

Роскошные магазины, рестораны, где стоимость одного обеда равняется среднему недельному заработку рабочего, бары по последней нью-йоркской моде. Здесь заокеанские офицеры чувствуют себя совсем как дома. Они пьют джин, виски, «кока-кола».

Попросите шоферов парижских такси рассказать о них, спросите хотя бы Люсьена Фуко, и он расскажет, как ведут себя эти пассажиры, так сказать, особого рода: они приказывают и распоряжаются, а расплачиваются они нередко ударом кулака. Мордобой начинается в барах и заканчивается в полицейском участке, где офицеров-чужеземцев моментально отпускают да еще извиняются перед ними.

На Елисейских полях стоит пышный особняк, где разместился «Атлантический» штаб. И там сильно нервничают в дни демонстраций, когда народ Парижа, движимый гневом, заполняет знаменитый проспект. Проезд по Елисейским полям разрешается лишь сверкающим никелем богатым легковым машинам. Он закрыт для грузовиков и прочих машин, поставляющих припасы; еще бы — вид человеческого труда тут явно неуместен. Елисейские поля — запретная зона для нищеты, но демонстранты, когда народ хочет того, берут их приступом вопреки усилиям полиции. И тогда можно услышать песню:

Наш грозный век
Событьями богат,
И стоит в них попристальней вглядеться!
Гнев и надежда вместе бьют в набат,
И из домов на улицы спешат
Те, в чьей груди кипит отвагой сердце.
Да, могут вам о многом рассказать
Старинные парижские бульвары...

Заокеанские офицеры чувствуют себя совсем как дома

Есть свои песни в Обервилле. Северная окраина Парижа, Обервилль целиком отдан химической промышленности. Вокруг заводов Кульмана все желто. Кислоты разъедают все живое. Иногда, направляясь в цех, рабочий остановится на минуту перед трупом кошки, которая по ошибке забрела сюда и которую тут же убили ядовитые испарения. Кислоты сжигают деревья, траву, зелень. Птицы избегают этого зачумленного места, и рыба в канале уже давно вся передохла. Но рабочие Обервилля работают в этой удушливой атмосфере, в этом желто-сером зараженном мире по 8—9 часов в день. Их детишки обречены жить в подвалах и трущобах по соседству с заводом. Об этих детях поется в песенке:

Простые дети Обервилля!
Вы в пролетарских семьях жили,
в домах, где мрак, нужда и пыль...
Вы — дети нищеты и горя,
вам летом заменяет
море
все тот же пыльный
Обервилль!

Есть десяток или два десятка песен об улицах Бельвилль и Менильмонтан. В 11 часов утра или в 4 часа пополудни сотни мальчуганов заполняют весь квартал, бегают по улицам, копаются в сточных канавах. И когда думаешь о парижских улицах, невольно вспоминаешь Гавроша, о котором великий романист писал: «Гаврош сросся с улицей», и вложил в его уста слова: «Улица — мой дом».

Нынешний Гаврош

Иногда рабочий остановится на минуту перед трупом кошки, которую убили ядовитые испарения

Рисунки автора

Нынешние гавроши нередко не имеют никакого пристанища: многочисленные семьи теснятся в жалких мансардах. Веселые детские мордашки бледны той особой бледностью, которую накладывает на лица вечное недоедание и отсутствие свежего воздуха, но в глазах светятся задор и надежда. Таково лицо народной улицы Парижа. Сколько раз, когда полицейские избивали рабочих Бельвилля или Менильмонтана, в спины шпикам летели булыжники, пущенные меткой рукой, и ребяческий голос по-озорному восклицал: «Получай от Гавроша на чай».

Наглые в своей роскоши проспекты и вопиющая нищета, разукрашенные неоновыми вывесками особняки и изъеденные сыростью фасады, мраморные дворцы для «важных особ» и ветхие лачуги, которые, того гляди, рухнут на головы многочисленных жильцов, — таков двойной лик Парижа, где контрасты капиталистического строя на каждом шагу бросаются в глаза, где каждый булыжник дышит славным революционным прошлым, воодушевляет участников боевых парижских демонстраций на битву за будущее. «Улица моя, улица нищеты, улица моих надежд!» — во всех песнях рядом стоят слова мир и свобода, улыбка и будущее.

ПАРИЖ, май.

«Литературная газета» выходит три раза в неделю: по вторникам, четвергам и субботам.

Адрес редакции и издательства: Москва 51, Цветной бульвар, 30 (для телеграмм — Москва, Литгазета). Телефоны: секретариат — К 4-04-62, разделы: литературы и искусства — К 4-02-29, К 4-01-88, внутренней жизни — К 4-08-89, К 4-72-88, международной жизни — К 4-03-48, науки — Б 3-27-54, отдел информации — К 4-08-69, писем — Б 1-15-23, издательство — К 4-11-68. Коммутатор — К 5-00-00.

Типография «Литературной газеты», Москва, Цветной бульвар, 30

Б00852